

АНДРЕЙ РОМАНШОВ

БИБЛИОТЕКА
ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

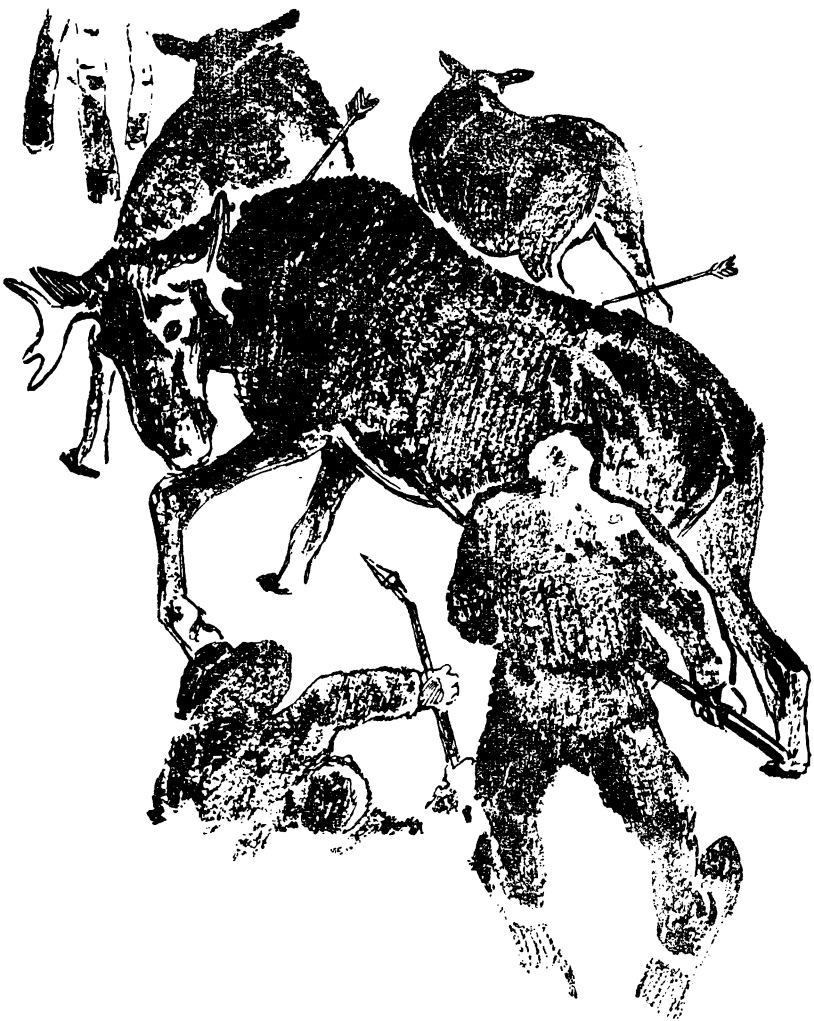

ЗЕМЛЯ ДЛЯ ВСЕХ

БИБЛИОТЕКА
ПУТЕШЕСТВИЙ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Выпуск 16

Периодическое
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1963

АНДРЕЙ РОМАШОВ

ЗЕМЛЯ ДЛЯ ВСЕХ

История не забыла имена епископов, воевод и солепромышленников, которые положили начало систематическому ограблению богатых прикамских земель. Но не они первые пришли на Урал, не они первые рубили нетронутые леса и распахиwały целинные земли.

Эта повесть рассказывает о первых русских переселенцах в Прикамье. О том, как они жили на новой родине, не зная языка и обычаев своих соседей — коренных обитателей сурового лесного края. И тем не менее трудовые люди всегда находили общий язык, сообща, помогая друг другу, боролись с трудностями.

Автор этой книги Андрей Павлович Ромашов — журналист. Он родился в 1926 году в деревне Шляпины Ильинского района Пермской области. Закончил филологическое отделение Пермского университета.

Первая книга — повесть «Раннее утро» — вышла в Перми в 1957 году. Кроме того, отдельными изданиями вышли рассказы «Невеста», повести «Лесные всадники» (1960 год) и «Золотой исток» (1962 год), сборник рассказов «Дорога к людям» (1962 год).

Художник Ю. Лихачев

*«...сия же река Кама об-
ходяще всю землю Пермьскую,
по сии бо реце мнози языци
седят...»*

Краткий летописный свод 1493 года

ВОР

Выскочив из капища, парень огляделся, погро-
зил идолу кулаком и побежал к старой елке.
Он прыгал, как заяц, в высокой траве, сума звенела
и больно била его по пояснице.

Тропу шамана оставил он на краю поляны, у
старой ели тропа шамана ныряла в осинник. Елка

стояла на месте, а тропа сгнула, будто провалилась.

Он долго бегал, искал ее — плюнул, помянул добрым словом Егория-воителя и ударился напролом по густому осиннику. Пробился до редколесья, наткнулся там недуманно на лосиную тропу и стал спускаться по ней к Шабиль-озеру.

На еланях — полянах пахло цветущим черба-линником, в низинах — кугой. В мокрых чашобах держалось вчерашнее тепло. Потом все задавил вереск. Вереск сменили темные кусты ольховника. Кусты поредели, и парень выбежал на луга.

Навстречу ему поднимался сохатый. Увидев человека, зверь не остановился, только нагнул рога-ту башку.

Парень отскочил. Сохатый пронесся мимо него.

Парень выдернул стрелу из налучника и, отпустив зверя на сорок шагов, выстрелил. Раненый зверь осекся как конь на скаку, сбился с хода. Парень выбежал за ним на тропу, выстрелил еще, но сохатый скрылся в зеленом подлеске.

Парень смеялся. Сохатый — не волк, ему не выгрызти обломка стрелы из крупа. К осени, обезумев от боли, он станет страшнее лютого зверя...

Горько плача, пролетела желна. Погрозив ей луком, парень пошел к березам напрямик, по густой траве, уминая, как снег, белоголовые цветы. Он знал — за березами Шабиль-озеро. Стоят там, у пологого берега, уткнувшись в песок, вогульские лодки — камни. На передней камне сидит Майта. Баская она девка, ловкая, а все одно нехристь и бусурманка. Один бог, говорит, добрый и синий, как небо, а другой бог — страшный... Посмеиваясь, парень достал из сумы серебряную чашку, протер ее подолом

рубахи. Он покажет эту чашку Майте и скажет: «Вот тебе от бога-болвана приношенье. Замотал я богу твоему медвежьей шкурой башку...»

Поднялось воронье над березами — закружилось, закаркало.

— О-го-гоо! — закричал парень и побежал к озеру.

Расступились березы, заблестела вода. Он спустился к лодкам, вода потускнела, легли на нее темные густые пятна от прибрежных кустов.

Сняв лук и суму, он лег на теплый песок, напил-ся и сел у воды, ждать хитрую Майту.

Она подошла незаметно, села рядом с ним и негромко засмеялась.

— Смотри! — он вытряхнул из холщовой сумы чашку.

Майта отшатнулась, закрыла руками лицо.

— Возьми! — он протянул ей чашку.

Но Майта побежала от него по песчаному у-гору наверх, к березам.

Он кинулся за ней, размахивая серебряной чаш-кой, кричал:

— Не бойся! Дикая...

Мелькнула в зелени красная рубаха Майты, мелькнула и скрылась. Он выбежал на угор... Кто-то больно хлестнул его по шее. Сгоряча он перемах-нул еще через две валежины и свалился. Ухватив-шись за сук, пытался встать, но уже не мог. Нашу-пав на шее стрелу, он понял, что ранен, и заревел от обиды и боли...

Красные большие муравьи ползли по белой мор-щинистой коре, ползли к нему. Он хотел смахнуть их с шершавой березовой коры, поднял руку и по-валился в траву.

ДРУГОДЕРЕВЕНЦЫ

Кондратию не спалось. Едва забусели волоковые окна в избе, он поднялся с теплых овчин и сел в угол. Не раз приходилось ему рубить лес под пашню. Выбирал он лядины—делянки в чернолесье, но и с ольхой и березой. И нынче облюбо-

вал он доброе место в лесу — без кислого ситника, без резучей травы.

Заскрипели полати. Татьяна спустилась на пол, обошла его постлань и встала в переднем углу на колени.

— Ты еси Христос сыне бога живого, — шептала она, качаясь под образами, — помилуй мя и прости еси...

Кондратий слушал ее, а сам думал о соседях из большого ултыра. Сколь мужиков приведет с собой старый Сюзь? Сколь топоров принесут ултыряне? Ведь полторы десятины надобно леса свалить.

— Благословен еси во веки... Аминь! — вздохнула Татьяна, поднялась с полу и закричала на девок: — Вставайте, бобрихи гладкие! Нету на вас погибели, — и ушла в бабий кут за печку.

Кондратий нащупал под лавкой бродни, обулся и без опояски вышел из избы.

Еще сине было кругом. Тихо. Одна Юг-речка звенела неумолчно. Он взял стоящую у стены рога-

тину и пошел вдоль темной огорода по мокрой крапиве. Надоела она всем, окаянная, а рубить на веревки рано, стебель не задубел. Он выбрался из крапивы у овина, под ноги к нему бросились собаки, узнали его и, твякнув, уползли под сруб.

Ворота в конюшенник были раскрыты. Прохор был там, шумел на лошадей.

— Не поил? — спросил старшего сына Кондратий, заглядывая в конюшню.

— Веду, тятя.

Прохор выгнал мерина и двух кобыл, жеребца вывел на поводу.

— Братья где? — спросил Кондратий.

— Спят, натьто.

Кондратий пошел будить парней. Они летом спали в овине. Он разбудил Гридю. Ивашки опять дома не оказалось.

— С вечера, кажись, вместе ложились, — зевая, оправдывался Гридя. — Легли, значитца, и уснули.

— Мать спросит, скажешь: послал я Ивашку силки проверить на рябка.

— Дак вить на лядину идем, тятя.

— Скажешь, как велю!

Гридя поскреб пятерней брюхо:

— Мне чо... Как велишь. Рябки они в нижних осинниках держатся больше.

Кондратий ушел из овина растрепанный. Избаловала Татьяна Ивашку. Где шатается парень? Долго ли до беды! Леса кругом глухие, дремучие, зверье...

У избы на ошкуренных бревнах сидела Устя.

— А я сон видела, тятя...

Кондратий остановился.

— Будто спускаюсь я, тятя, в лог, а за мной собака чужая, лохматая. За подол норовит схватить. Испугалась я, пала в траву. Чую: лижет меня чужая собака, теплом дышит...

— Вещий сон. — Кондратий засмеялся. — Не зря по нашим полям Орлай рыщет, девицу-красавицу высматривает.

— Господи, спаси и помилуй! — Устя всплеснула руками. — Бусурманин вить он, тятя! Нехристь. Неужто сон сбудется!

— Небось, не украдет, — успокоил Кондратий дочь, увидел пустые ведра и упрекнул: — За водой мать послала, а ты сидишь!

Устя стала жаловаться на тяжелые березовые ведра.

— Надцелась я, тятя!

— Неслухи вы с Ивашкой.

Кондратий зашел в избу, достал из-под лавки топоры — широкие, крепкие, новгородской работы. Любой из трех доброго коня стоит. Знал, что заклинены и наточены топоры, а удержаться не мог, вертел их в руках, любовался.

Пока собралась семья в избу, совсем рассвело.

Кондратий склал топоры в угол и пошел к столу. Сыновья и девки потянулись за ним, застучали чурбаками по гладкому глиняному полу.

— О-хо-хоо, — вздыхала Татьяна, разливая кислое молоко в деревянные кружки. — Совсем заездили молодшенького! Не поест Ивашка горячих ерушников!

Немая Параська собралась реветь. Гридя показал ей кулак и закричал в ухо:

— Жив твой Ивашка! Не лешева с ним...

Параська понимала все и слышала не хуже дру-

гих. Онемела она от великого страху лет пятнадцать тому назад. Уходил тогда Кондратий с семьей от галицкого князя, шла с ним и сестра Анфиса с дочерью. Лесами брели дремучими, кони и люди выбивались из сил. Отстала Анфиса с дочерью, нагнал их черемисин окаянный, задавил мать, а Параська спаслась как-то... Прибежала, треплет Кондратия за рубаху, а сказать не может. Мычит девка, лицо руками скребет, да что толку — слово изо рта пятерней не вытащишь...

Устя вертелась на чурбаке, как сорока.

— Выдь погляди, — сказал ей Кондратий. — Не идут ли из ултыра?

Устя бросилась бежать.

— Богу поклонись! — закричала на нее Татьяна. — Хлеб, поди, ела, скоморошница!

— Не оскудеет пища постная, скоромная, молосная, — забалобонила Устя, кланяясь на все стороны. — Яко хлеб ломливый на вечере исусовой... Аминь!

Она убежала.

— Лошадей погоним? — спросил Прохор отца.

— Запрем.

Прохор отодвинул кружку, стряхнул с бороды крошки.

— Пойду загоню.

— Подожди, — остановил его Кондратий. — Меч и рогатину возьмишь с собой на лядину.

Гридя захохотал:

— Тятка на побоище собрался!

— Чего гогочешь! — рассердился на сына Кондратий. — В лесу живем, на чужой земле.

— А летось Ивашка княжеских данников подстрелил. Мы куницу скрадывали. Собаки оттоль,

с низины, ходом идут, а мы, значигца, прямиком, уметами порем. Ивашка и отстал, будто бахилы переобуть...

Параська слушает, рот разинула. Татьяна ее не гонит, самой любо послушать про молодшенького.

«Хоть старшего сына бог ума не лишил», — думает Кондратий, глядя на них.

— Идут! Идут! — заголосила Устя.

Кондратий встал и, перекрестясь, пошел в свой угол. Снял со стены колпак и опояску.

Устя забежала в избу и начала тормошить брата:

— Чего сидишь, неторопы! Невеста твоя идет. Вета!

Не выпуская кружки из рук, Гридя отбивался локтями:

— Отвяжись. Ну ты...

Кондратий пристегнул к опояске широкий охотничий нож и пошел встречать другодеревенцев. Они еще не поднялись из лога, а он уже стоял за воротами, ждал их. Подошла Татьяна с туеском, шепча на ходу молитву. Она просила у Христа прощение за кумовство с ултырянами.

Другодеревенцы тянулись гуськом: впереди всех маленький Туанко, потом старый Сюзь с сыном, с топорами оба, за ними три бабы, у баб за плечами пестери.

Старый Сюзь вышел из лога. Кондратий низко поклонился ему, взял у Татьяны туесок с медовым квасом, подал:

— Юже, выпей, большой хозяин. Выпей!

Старый Сюзь напился и отдал туесок Татьяне.

— Юже, матушка, испей, — поклонилась Татья-

на большой хозяйке ултыра, протягивая туесок с квасом. — Устала, небось.

Старая Окинь отпила, улыбнулась ей и прошептала беззубым ртом:

— Оч ме...

Татьяна приняла от нее туесок, стала поить остальных, косясь на девок. Устя обнимала Вету, внучку старого Сюзя. Вета балабонила, Устя хохотала, слушая ее. «Господи, господи, — вздыхала Татьяна, — совсем опоганились с нехристями!»

Прохор вывел заседланного мерина. Гридя вынес кожаный мешок с едой и подсечные топоры. Прохор забросил мешок на седло и стал привязывать.

Кондратий спросил старого Сюзя — все ли подошли из ултыра или остался кто?

— Пера сам идет...

Старый Сюзь говорил долго. Кондратий понял одно: младший брат старого Сюзя пошел на Шабирь-озеро, снасть-кулом трясти.

— Ждать будем?

Старый Сюзь покачал головой:

— Прибежит Пера. Не бойся, Рус.

От Шабирь-озера до лядины, Кондратий знал, меньше версты, а Пера лучший охотник в ултыре, найдет их, не заблудится.

— Ну, с богом, — сказал Кондратий. — Пошли!

Старики стали спускаться к речке. За ними Гридя и Туанко, потом девки, старая Окинь, позади всех Прохор. Он вел на поводу мерина. Перешли вброд речку, вышли на луговину и долго брели по густой непутаной траве. Кондратий радовался, глядя на сочные желтоголовые травы, вспоминал княжеские луга на Сухоне, шалаши смердов...

— Питья и брашна Юрий князь на сенокосе не жалел, а страдники пели невесело. Не могли забыть истоптанный хлеб на своих полях...

Старый Сюзь слушал, кивал.

— Великий воин был Юрий князь. Воевал с братом, воевал с племянниками. Горели посадки, сиротели поля...

Старый Сюзь начал говорить. Он хвалил оштяцкого князя Юргана, называл его добрым соседом, другодеревенцем... «Какой он князь, — думал Кондратий, — сам камни мастерит, за сохатым неделями бродит в самую лютую стужу. Таких князей и на Руси немало. По монастырям кормятся. Христа ради...»

Но с соседом не спорил — князь так князь, лишь бы не тать, не воитель...

Зашли в лес. Стариков обогнали парни. Они рубили тяжелыми ножами молодняк и лапник, расчищали тропу. Чакали глухо ножи, под ногами поскрипывали сухие иголки, текучие, скользкие. Тропа ныряла под широкие елки, как в темную нору, упиралась в непролазный чащобник. Старикам приходилось доставать ножи, помогать парням с лесом воевать. А давно ли Кондратий проходил здесь с Прохором, топоров не жалея, рубили они лапы у елок, секли на корню подрост...

Стало светлее, попадались сосны, веселый березняк и лесные поляны, затянутые сплошь цепким вьюнком и мышинной травой. Вышли на елань, усеянную шишками.

Кондратий свернул с тропы, прошел саженьей десять редколесьем и остановился.

— Лядина моя, — сказал он старому Сюзю, показывая на затесы.

Подошли девки и старая Окинъ, сели под березу на краю лядины.

Прохор принес мешок с едой.

— Хозяйствуй давай, — сказал он Параське.

Ели не торопясь. Старый Сюзь то и дело поглядывал в сторону озера, ждал, видно, брата.

Туанко наелся, схватил лук и убежал.

— Куда он? — спросил Кондратий соседа.

Старый Сюзь ответил по-своему. Кондратий его не понял и переспросил:

— Куда, говорю, внук твой побежал?

Устя засмеялась:

— Пера у них потерялся. Малое дитятко!

Параська напоила всех квасом, склала оставшуюся еду в кожаный мешок, завязала его сырыматным ремнем.

— Господи благослови, — сказал, подымаясь, Кондратий. Он отмерил сорок шагов на восток от березы и расставил людей. Лес на лядине неровный: по краю липняк и березы, потом черная елка, сосна, или пожум по-ултырски.

Старая Окинъ и девки начали сечь кусты тяжелыми косырями. Гридя с Прохором ушли валить крупный лес. Кондратий наказал им, чтобы оставляли десятивершковые пни, а сам повел старого Сюзя в дальний угол лядины. Там стояла сосна в три обхвата. Он заметил ее еще зимой.

Старый Сюзь обошел сосну и поднял топор.

Кондратий засмеялся:

— Рубить наладился? День топорами с тобой промашем, не свалим.

— Пера прибежит, Рус...

— И он не сладит с этакой-то! Ты гляди... У тебя на лядине тоже такая пожум есть.

Кондратий вырубил дольный паз, просунул топор и стал отдирать сосновую кору. Она отдиралась легко, как лыко с лубка.

Старый Сюзь покачал головой, попробовал пальцем острие подсечного чера и тоже стал вырубать с другой стороны сосны паз в два локтя.

— Тятя!

Кондратий оглянулся, увидел простоволосую Устю. Она бежала к нему по густо заросшей лядине и кричала:

— Ивашку, тять! Ивашку убили поганые!

Кондратий рванул топор. На блестящем тополе атели капельки соснового сока. Он вытер клейкий сок о штаны...

— Пожум-орт! Пожум-орт! — запричитал старый Сюзь, пятясь от сосны, как от медведя. По ихнему, по-ултырски, у иной сосны тоже людская душа. Срубишь такую, как человека убьешь.

Кондратий пошел по лядине к березам. Старый Сюзь кричал ему, поминая Йолу и хозяина леса Ворса морта. «Эх, Ивашка, Ивашка! — думал Кондратий. — Не долго ты прожил...» Вспорхнули рябки из-под ног и скрылись. Желтобокие трясогузки верещали и кружились над ним, плакал коршун, как малый ребенок.

Кондратий шел тяжело, давил зеленый подлесок, запинался за корни и валежины.

Устя брела за ним и выла:

— Изведут нас поганые! Изведут!

Ивашка лежал под березой. Кондратий опустился на колени, повернул сына на брюхо, содрал с раненой шеи тряпицу.

— Возьми, Рус! — Пера отдал Кондратию косяной наконечник стрелы. — Шаман стрелял...

— Проклятый раб, сын росوماхи! — ворчал Золта. Он считал лошадей, насчитал три десятка, три больших реза нанес концом ножа на бересте, а проклятый раб, сын росوماхи, испортил счет — считанные и не-считанные лошади опять собрались в один табун. Золта боялся оставлять несосчитанных лошадей. Растеряет раб кобылиц — а как с него спросишь? Ругал он раба, а сам думал — ждут в пауле белых кобылиц. Брат его, князь Юрган, прощается с родом. Женщины уже выкололи на плече князя птицу Вурсик, и скоро священная птица понесет в клюве душу князя Юргана в страну мрака. Шаман Лисня каркает в уши брату: «Раздай, князь, богатства свои у большого костра по обычаю предков...»

Золта решил перехитрить раба, поднял над головой лоскут бересты и закричал:

— Гляди, сын росوماхи! Я знаю всех лошадей в табуне! Всех кобылиц молодых, всех кобылиц старых.

Молодой конь плясал под ним и гнул потную шею к земле. Золта огрел его плетью и повернул к лесу.

Две белые кобылицы стояли под черемухой, у самой тропы, и негромко ласково ржали. Не слезая с коня, Золта отвязал их и погнал к паулю.

Кобылицы бежали неровно: хватали траву, сби-
вались с хода. Он кричал на них, но хлестать пле-
тью боялся — белых кобылиц выбирал шаман, они
отмечены знаком рода.

Лес становился все глуше, темнее. Широколапые
елки закрыли небо. Заросшая мелким вязовником
узкая тропа ползла среди старого леса, будто сы-
тая змея. На толстых сучьях висели зеленоватые
бороды. Золта боялся их, качался в седле туда-сю-
да, как шаман Лисня перед очагом-чувалом, и ру-
гал кобылиц.

Вдруг взревел за спиной Мойпер, хозяин урочи-
ща. Ожил, зашумел мертвый лес. Закаркали воро-
ны. Кобылицы, мелькнув, скрылись за поворотом.
Его конь испуганно заржал и рванулся за ними.

Обезумевшие кони неслись, как духи. Коня чуя-
ли беду... Прижавшись щекой к теплой шее коня,
Золта слушал стук копыт о крепкие корни и угова-
ривал Нуми Торума не губить его. «Буду, буду,
великий, мазать рыло тебе горячей кровью», —
обещал он богу. Бог больно хлестнул его по ноге, и
тропа стала шире. Конь вынес его к речке. Кобы-
лицы перемахнули неширокую и быструю Сюзь-ю
и понеслись в гору. На горе их ждали молодые
охотники с ременными арканами.

Когда Золта поднялся в гору и заехал в пауль,
белых кобылиц уже увели.

Он ехал мимо пустующих зимних юрт и думал,
что и ему надо переходить в летний чум. Он пост-
роил его еще в месяц налима, но перейти не успел —
к брату Юргану подкралась хворь.

Над его юртой курился дымок, пахло рыбой. Он
слез с коня, к нему бросились собаки, рыба чешуя
блестела на собачьих мордах.

По узкому и темному лазу Золта спустился в юрту.

У чувала сидели женщины. Они выбирали из корзин жирную белую рыбу, складывали ее в большие горшки и пели:

Перед мужем чуманы расставляю
И скажу старшему своему:
«Богатырь мой, лось быстроногий,
Для тебя я чуманы сделала —
Для буйного молока узкогорлые,
Для рыбьего жира широкие...»

Золта толкнул в спину жену. Она отползла, освободив ему место перед огнем. Он поел кислой рыбы и вареной травы, снял старую малицу, надел праздничную и опоясался длинным болгарским мечом. С непривычки давили железные нагрудники, меч бил его по ногам. Он кое-как вылез из юрты и, хромая, пошел к брату.

Перед деревянной юртой князя шумели, потрясая оружием, молодые пастухи и охотники.

— Сожгем гнездо Руса! — кричали они.

Он поглядел на них, проворчал:

— Кони чуяли беду... — и, подняв тяжелую медвежью шкуру, залез в юрту.

Брат в кожаной малице сидел у чувала, глядел на догорающие угли.

Орлай, любимый сын князя, бегал по юрте и кричал:

— Сожгем гнездо Руса! Вытопчем поля, уведем женщин.

Брат молчал... Много мужчин в большом роде Юргана, молодых и старых. Но мало мудрых.

Желая здоровья брату, Золта потерял носом о его колючую щеку и сел рядом, на мягкую шкуру.

Они долго сидели молча — седые, старые, глядели на умирающий огонь и думали.

— Утром сын Руса был в капище, — сказал князь.

Золта промолчал, погладил больную ногу и подумал, что опять бог шамана Лисни ошибся: сын Руса был в капище, а великий Нуми Торум хлестнул суком его.

Орлай присел перед ними, положив меч на колени.

— Уйдет зверь, уйдет рыба, — заговорил он, — наши кобылицы не дадут молока. Великий Нуми Торум сердится, великий и невидимый хочет крови. Так сказал шаман Лисня. Шаман велит идти в гнездо Руса. — В темных глазах Орлая плясали искры зла и нетерпения. Он тряс рукоять меча. — В нашем роду есть воины, отец!

Князь вздохнул.

— Меч у воина, как мозоль у старика, — сказал он сыну. — Есть мечи, Орлай, и у братьев Кондратия Руса. Крепкие мечи у них, и крепкие руки.

Золта слушал брата, кряхтел... Кондратий Рус спас его: в темный месяц метелей приволок на лыжах в свою деревянную юрту и накормил мясом.

— Не бойся братьев Руса, отец! — кричал Орлай. — Князь Асыка воин! Князь Асыка нам брат и сородич! Шаман Лисня послал к нему своего раба...

— Шаман Лисня из рода Узкогрудых, — сказал сыну Юрган. — Князь Асыка, как ветер: сегодня он здесь, а прошла ночь, его уже нет. Где стояли чумы князя, осталась зола. А наши юрты выросли

в землю, как старые ели. Я тоже был молодым, Орлай, как и ты, не расставался с болгарским мечом. Ночью я клал его под голову... Однажды мы поспорили на Шабирь-озере с соседями из большого ултыра. Мы не хотели делиться с ними рыбой, мы называли озеро «нашим». Я собрал два десятка молодых воинов. У родового костра мы поклялись сжечь земляные юрты ултырян, угнать скот и молодых женщин. Я поднял меч, в знак верности клятве хотел рассечь живой огонь родового костра... «Ты молод и храбр, сын мой, — сказал мне тогда отец, — ты чтишь великого бога предков, но ты забыл о матери. Она из большого ултыра». Я ушел от большого костра с отцом. Мы шли долго. Тайные лесные тропы уводили нас все дальше и дальше от пауля. И только на третий день перед заходом солнца мы подошли к старому городищу. У него не было ворот, гнилые стены осели, рвы заросли. Мы не видели деревянных юрт, мы не видели чумов. Над буйной травой поднималась одна старая лиственница, а под ней сидела каменная старуха Йома — грозный бог ултырян. Отец бросил грозной старухе связку беличьих шкурок. Мы спустились в узкую темную нору, прошли семь шагов, задевая локтями землю, и остановились перед лазом в круглую юрту. Посреди юрты в чувале, окованном медью, горел большой огонь. У огня сидел старик. Отец сказал два слова. Сидевший у чувала старик ответил ему и пригласил нас к огню. Мы подошли, отец поклонился и положил к ногам старого воина двух куниц...

Юрган сбросил с плеч теплую малицу и поглядел на сына. Орлай съежился и притих. Он не видел таким отца: перед ним сидел не тихий, добрый старик, учивший мужчин плести крепкие сети и

ковать для стрел железные наконечники, перед ним сидел воин и князь.

Золта наклонил голову: он-то знал брата...

— Это было давно, Орлай, — заговорил Юрган. — Сорок раз одевалась земля в белую паницу и сорок раз снимала ее в месяц ветров, но я помню, помню каждое слово великого кама соседей... Он говорил нам: «Ваши предки пришли сюда как воины, они жгли наши дома, они убивали наших детей. Они называли нашу землю, землю Камов, своей землей, а нашу реку, реку Камов, — Голубой и Великой! Они были храбрые воины, они пили горячую кровь белых лошадей и плясали перед большим костром, потрясая оружием...»

Я помню, Орлай, помню: великий кам прыгал перед чувалом в своей темной юрте, хохотал и пел, потрясая луком, песни наших предков. «Грозный отец Огонь, — кричал он, — ты на небе и на земле, ты великий и сильный, ты ненасытный и злой...» Великий кам повалился, я помню, обессиленный на мягкие шкуры и спросил нас: «Где ваши князья-воины, предводители могучих племен? Где высокие, неприступные стены ваших городищ? Где род Крепкогрудых? Где красные Караганы? Где непобедимые Дзуры, быстрые, как ветер? Где их длинные мечи? Где?»

Мы вышли из юрты великого кама ночью, на нас глядели с черного неба зеленые звезды и смеялись. Звезды видели короткую славу наших предков, дым пожарищ и гибель могучих родов. Северный ветер, сын грозной Йомы, развеял славу наших могучих предков, как желтые листья... Я вернулся в родную юрту, повесил свой меч на деревянную стену и уехал на пастбища. Я доил кобылиц, плел сети и ло-

вил рыбу в Шабиль-озере вместе с ултырянами, а в месяц туманов купил за пять кобылиц в ултыре Сюзя-филина, по обычаю наших отцов, молодую жену.

Князь Юрган потянулся к кувшину с молоком.

— Рус пришел! — не заходя в юрту, закричал от дверей молодой охотник.

Орлай вскочил и схватился за меч.

— Садись, слушай и думай, — сказал сыну князь Юрган. — Мы не знаем, кто пришел в юрту: гость или враг.

Золта отстегнул от пояса длинный болгарский меч, сунул его под шкуры и стал ждать Руса.

Залез в юрту огромный Пера, младший брат старого Сюзя, за ним Рус.

Они подошли к чувалу. Рус пожелал здоровья всем — сказал «пайся» — и положил на шкуры широкий железный топор.

Не глядя на подарок, князь Юрган ответил ему:

— Ось ёмас, Рус, здравствуй!

Рядом с Русом встал Пера и начал говорить, что хозяин гнезда, Кондратий Рус, хочет быть другом князю Юргану, он чтит обычаи и веру его народа, и никогда не будет врагом ни в помыслах, ни в делах.

Князь Юрган сказал:

— Хорошие слова говорит хозяин гнезда Кондратий Рус. Но в нашем святилище был его сын!

— Вина его сына — его вина. Хозяин большого гнезда Кондратий Рус просит у тебя прощения, князь!

— Скажи Русу: я не молюсь каменной Йоме, грозному богу соседей, я не отдаю десятую часть добычи их великому каму-шаману. Рядом, скажи,

мой сын Орлай. Я не пошлю его грабить святилище соседей, пойдет сам — я не назову его больше сыном! Клянусь великим Нуми.

Пера пересказывал Русу мудрые слова князя Юргана. А Золта разглядывал своего спасителя. Не постарел Рус, не потерял силу — высокий и прямой, как сосна, только длинная борода пожелтела, подпалил, видно, он ее на костре...

— Сын Кондратия Руса ранен шаманской стрелой. — Пера взял у Руса костяной наконечник и показал князю. — У шамана Лисни такие стрелы, ты знаешь. Сын Руса умрет...

Рус начал говорить. Золта понял его слова так: умрет сын, пусть умрет и обида.

— Янысь! — сказал князь, вставая. — Скажи Пера: я верю хозяину большого гнезда, он друг, рума. — Князь отстегнул от широкого кожаного пояса кривой охотничий нож и протянул его гостю.

— Возьми, Рус!

Золта нащупал под шкурами длинный болгарский меч, вытащил его, кряхтя поднялся и сказал Русу:

— Я стар, болезни едят мое тело. Этот меч тяжел для меня.

Рус принял его подарок, поклонился сначала князю, потом ему и вышел из юрты.

— Ось ёмас улум! — попрощался Пера и пошел за ним.

Князь Юрган стоял над чувалом, бросал пахучий вереск на красные угли.

Орлай бегал туда-сюда по юрте и кричал, что великий Нуми Торум хочет крови.

— Чужая рана не болит, — ворчал Золта. —

Шаман Лисня хочет крови соседей, а не Нуми Торум...

Золта сел, завернул в теплую шкуру больную ногу и стал думать. Рус спас его в месяц метелей и накормил мясом, он подарил Русу болгарский меч, крепкий и острый, как жало осы...

— Возьми мой меч, отец! — кричал Орлай. — Мы не воины! Мы старухи!

Князь Юрган подошел к сыну, положил на плечо ему руку.

— Тэхом, слушай! — сказал он. — Я, князь и старейшина рода, велю тебе: догони раба шамана Лисни и убей его! Я брошу голову раба на красный ковер и раздам богатства свои, по обычаю предков, у большого костра. Спешу, Орлай! Великая мать-земля Колтысь-ими не хочет крови соседей.

КОЛДУНЬЯ

Ивашка не умер... Прохор принес его из лесу на руках, положил на лавку в передний угол. Увидела Татьяна своего молодшенького без кровинки в лице, пала перед ним, как подрубленная, и запричитала: «Охти мне да тошнехонько, охти мне да больнехонько! Уж как сяду я, многобедушка, к своему сыну молодшенькому, к соколику златокрылому, ко его телу ко блеклому, как повывою обидушку да повыскажу кручинуш-

ку! Как у меня, у многобедушки, три полюшка кручинушки посеяно, три полюшка обидушки насажено. Сама знаю я, многобедушка, не пришла к тебе, рожано дитятко, не пришла бы к тебе холодная, кабы жили на родной сторонушке, по закону жили христианскому...»

Зашла в избу старая Окинъ. Она принесла жив-траву, но Татьяна не подпустила ее к сыну.

— Загниет рана-то, — сказал матери Прохор.

Она заревела:

— Погубили нехристи молодшенького! Погубили!

Кондратий взял траву у старой Окинъ, оттолкнул жену, развязал тряпицу на шее Ивашки и велел Усте промыть рану водой.

Прохор опоясался мечом, снял со стены большой лук и вышел из избы. День еще, солнышко светит, а все одно боязно. На Грядю какая надежда! Спит, поди, в елушках, неторопъ.

Прохор спустился в лог, перебрел речку. Лошади лежали в траве, как неживые. Он прошел мимо, ни одна и башку не подняла — сморила жара лошадей. Вот и засека. Прохор негромко свистнул.

Из ельника выполз Грядя, приставил ему к брюху рогатину и заорал:

— Живота или смерти?

— Не балуй.

Грядя убрал рогатину и стал жаловаться, что замаяли его мухи и спасу от них нет.

— Пить-то принес? — спросил он Прохора.

— Принес.

В нагревшемся за день ельнике душно, жарко, зато шаманская тропа как на ладони — мышь пробежит, и ту увидишь.

— Слышь, Проша!

— Ну!

— Пошто мы от оштяков Юргана стерегемся?

— Ивашка к ним в кумирницу лазил.

— Вот дурья башка! Ушкуем его тятка прозвал. Ушкуй и есть, чистый разбойник! Спалят нас оштяки.

— Нишкни! Тятка идет.

Кондратий шагал не один, Пера был с ним. Они остановились за елушником, на шаманской тропе, и стали оглядываться. «Нас смекают», — догадался Прохор и вылез к ним на тропу.

— Гридю домой посылай, — сказал Кондратий Прохору. — Тут он?

— Тутока, тятя! — отозвался Гридя, вылезая из елушника.

Увидев лохматого караульщика, босого, в тяжелой железной кольчуге, Пера засмеялся.

— Разобрало тебя, нехрестя, — заругался Гридя. — Вырос больше сохатого и ржешь!

Кондратий отправил его домой и наказал — ворота держать на крепком запоре.

Ушел Гридя, ушли послы. Прохор остался один, залез в елушник.

До юргановых юрт, думал Прохор, версты полторы, будто и рядом, а сверни с шаманской тропы — ступишь шаг и погинешь. Лес сырой, дремучий, лог крутые, глубокие. Старый Сюзь зовет это место урочищем лешего, Ворсаморта по-ихнему. А тятка не взял ни меча, ни рогатины. Видно, Пера отговорил. Новгородский топор понес Юргану, дай бог, может, и уговорит оштяков...

Морит от жары, глаза слипаются. Прохор кусает руку, чтобы не уснуть ненароком, трясет голо-

вой. Жарко, дремотно. Палит солнце, выжимает серу из елушника, к дождю... От елушек шаманская тропа бежит саженной десять посреди берез. Прохор стал считать белоногие. Учил его счету тятка, еще на Устюжине, когда за великим князем жили. Много лет прошло, а Прохор не забыл. Посадил на их землю удельный князь Юрий своего холопа Епишку. Набежали княжеские доводчики... Скот, кричат тятке, твой, изба твоя, а земля по грамоте княжеская, он ей господарь и володетель...

Будто птица мелькнула... Прохор придавил локтями траву, поднял лук и стал вглядываться. Притаился кто-то за березой, стоит... «Пока на тропу не выйдет, стрелять не стану, — решил Прохор и ахнул: — господи, девка!»

В красной рубахе, без платка, шла по тропе к нему черноволосая юрганка. Вот беда-то! И показаться нельзя и пропустить боязно... Он покачал елушки — может, испугается, убежит. Но черноволосая не испугалась, сказала «пайся» и протянула в его сторону кувшинчик. Он понял: здороваются с ним черноволосая, надо вылезать, все едино за метила.

Прохор вышел к ней на тропу.

— Ну, чего ты! Беспонятная...

Она улыбнулась ему и затараторила. Он стоял перед ней, грузный и большой, как медведь, слушал, но разобрать ничего не мог.

— Эх ты, травинка! Заблудилась натъто...

Она совала ему в руки глиняный кувшинчик.

— Ивашка! Рума Ивашка...

Понял Прохор, взял у нее кувшинчик и хотел погладить черноволосую. Но она убежала.

Солнце еще не зашло, вернулся Кондратий с по-

дарками. Прохор рассказал ему про черноволосую юрганку и показал кувшинчик с томленной травой.

Кондратий подержал глиняный кувшинчик в руках, отдал его Прохору и сказал:

— Майта, дочка Юргана была.

Они выбрались из елушника и пошли рядом. Прохор не расспрашивал отца, ждал — все одно не удержится тятка, расскажет.

Перешли речку по жердям. Кондратий сел на срубленную осину, меч положил на колени.

— Посидим, Проша. Отдалил меня князь, как водится, по-соседски. Я, говорит князь, богу ултырян не молюсь, но сына своего грабить святилища соседей не пошлю. Я тоже Ивашку не посылал, думаю себе. Но молчу... Запомни мое слово, Прохор, нам с юрганами печего делить. Они люди, и мы люди. Боги у нас разные, а жизнь одна. Станем друг другу пакостить — не выживем! Лес задавит, голод убьет... А Майту я знаю, ветер девка и добрая, из юргановской породы.

Отец встал с осины, пошел в гору, к воротам. Прохор шел за ним и думал: не зря, видно, говорится, что дитяtko криво, да родителям мило. Уж нашто Ивашка разбойник, сколь от него хлопот и горя натерпелись, а тятка жалеет. Думку держал, хотел его на юрганке черноволосой женить. Этак-ва-то ушкуя на травинке.

Они долго стучали в закрытые ворота. Гридя не отзывался.

— Уснул, леший! Лезь, подсажу.

Прохор поглядел на бревенчатый заплот в две сажени, поставил кувшинчик в траву, поплевал на руки. Но лезть ему не пришлось. Гридя подошел, открыл ворота.

Татьяна сидела одна в избе, шептала над сыном:
— ...красная девица бьет, обороняет, боль отлучает и бросает на мхи, на болота...

— Устя где? — спросил Кондратий жену.

Она не поняла или не услышала, ответила невпопад, про Ивашку.

— С Параськой она, — сказал Гридя. — Кожи они мнут на ручье, за конюшней.

Кондратий взял у Прохора оштяцкий кувшинчик, налил в кружку черный настой из весенней травы.

— Помоги, мать.

Она не стала расспрашивать — кто траву томил, видно, поумнела от горя, напоила Ивашку оштяцкой травой, обняла мужа и заревела.

Кондратий гладил ее по спине и уговаривал:

— Не реви, бог милостлив! Встанет Ивашка на ноги...

Ночь выдалась ветреная, с дождем. Пришлось опустить волокна на окна и притворить дверь. Прохор не ушел с Гридей спать на овин, остался в избе, лег с отцом на полу. Да так и не уснул всю ночь: в избе духота смертная, а на воле леший разыгрался, бьется о стены, на крыше с лешачихой пляшет. Прохор и молитвой пугал бесноватого, и Татьянину икону ставил к дверям. Еле утра дождался, встал на ноги раньше всех.

Татьяна спала сидя, на лавке. Ивашка негромко стонал.

Прохор наклонился над ним — темно, лица не видать, но вроде ожил парень, бормочет... Напоил его Прохор, разбудил мать и пошел к лошадям. Застоялись они в конюшне, пора на волю, с юрганами мир — бояться нечего.

Он прогнал лошадей за речку, дошел до засеки. Елущики хохлились, как курицы, мокрые березы поникли, будто затосковали. День начинался пасмурный, сырой. Из темного леса хвоей тянуло и палым листом. Он потоптался в мокрой траве у засеки, вымок чуть не до пояса и побрел домой. Тяпка собирался с мережами на Юг-речку. Все равно косить-то еще рано, трава не выстоялась, дня два-три можно и порыбачить.

Кондратий с острогой встретил его у ворот и сказал, что мережить с ним пойдет Гридя.

— А ты к засеке наведайся. Кувшинчик отдашь Майте. Прибежит она, думаю.

— Морды я поставил на плесе.

— Доглядим.

Небо серое, мягкое. Не поймешь — то ли утро, то ли дня середина. Стоит Прохор один посреди двора, думает — идти каменку заново класть или к засеке наведаться? Вышли с туесками девки, по ягоды собрались. Параська веревкой опоясалась, по пути веников наломают.

Устя из ворот — и за песню:

Не по-летнему
Солнышко греет —
Не всех красное
Обогрело.
Одною меня, бедную,
Ознобило...

Слушает Прохор — баско поет Устя, о молодом Юргане тоскует, да разве мать уломаешь... Нехристь, говорит, в избу не пушу оштяка поганого. И Устя за ней балабонит. А чем оштяки хуже? Люди, как люди, черноволосая еще побассей Усти будет. Травинка...

Не заметил Прохор, как под гору спустился, как речку перешел. Хлестнули его по лицу мокрые елки, огляделся — засека. Продрался он сквозь елушник, приволок на тропу сушину, посидел на ней и домой отправился, каменку ладить. Шел не спеша, о Майте думал. Поклониться бы князю Юргану дорогим подарком, выпросить дочь. Жили бы они с Майтой душа в душу, ребят растили... Вспомнил Прохор, и родную деревню и родную избу на крутом берегу Сухоны. За избой, на широкой лужайке, собирались девки по праздникам — хороводы водить, Ярилу краснолобого славить... Одна приглянулась ему, да увел их тятка.

Уходили из родной Устюжины ранней весной, в логах еще снег лежал, а пришли в пармские леса в конце лета, уж трава начала жухнуть. За неделю землянку вырыли, печку сложили, галешник был под рукой. Кое-как промаялись зиму: хлеб кончился в просинец-месяц, но мяса было вдосталь — сохатые в урочище зимовали. С весны до поздней осени, Прохор помнил, рубили лес. Двор обнесли крепким заплотом от воровских людей. Пять зим ютились в землянке, жили посреди темного леса, как медведи в берлоге. На шестую зиму перешли в избу, поставили добрую, из кондового леса на сухом мхе. А землянку баней стали звать...

Развалил каменку Прохор, сходил к речке за окатышами, две плахи приволок, поставил их на зольном полу ребром и начал класть. Сперва крупные голыши подбирал, потом помельче, окатыши сверху, для жару.

Темно стало в землянке. Спohватился Прохор, кинулся в избу за оштяцким кувшинчиком. Беда — уйдет юрганка, не дождется его...

Старый Сюзь жил долго. Он видел, как росли и старились его сыновья. Он видел, как рождались и как умирали люди. У него сохла кожа, слабели руки, но ум оставался молодым. Старый Сюзь отдавал князю куньи меха, но не князь всей Нижней земли, а он был хозяином своего ултыра, он зажигал огонь в зимнем очаге, посылал сыновей лесовать, учил внуков, наказывал женщин.

Но вчера старый Сюзь «потерял след». Вчера подошел к нему младший брат Пера.

Старый Сюзь собирался к Кондратию Русу с подарками, хотел выпросить у него ячмень-зерно, хотел засеять дальнюю кулигу.

— Я не пойду в ултыр Низя за девкой, — сказал Пера. — Вета моей женой будет, большой отец. Вета!

Старый Сюзь сказал ему: нельзя нарушать обычай отцов, нельзя брать жену в своем ултыре.

— Я знаю, — кричал Пера, — нельзя бить куньцу в пору тепла, худой мех у нее. Я знаю, нельзя бить лосей в урочище Ворса морта весной. Они уйдут из нашего леса. Но я не знаю, большой отец, зачем мне покупать жену в ултыре Низя, а Вету продавать чужому охотнику!

Старый Сюзь замахнулся на него батогом. Пера ушел в дальний угол керки и стал ругать обычай

отцов. Его слушали сородичи, слушали женщины, слушали дети. Старый Сюзь не мог уснуть. Долгой и темной показалась ему летняя ночь. Раньше он не боялся смерти. Раньше он думал, что Пера станет хозяином ултыра. Но Йома отняла разум у брата. Кто будет разжигать живой огонь в каменном горе, платить дань князю Нижней земли, учить молодых? Скоро руки его устанут, он закроет глаза и вернется к предкам...

Утром он хотел еще поговорить с братом, но Пера ушел из ултыра, ночью ушел.

«Надо идти к великому каму», — решил старый Сюзь. Он снял со стены пестерь, набил его соболиными мехами и позвал жену.

Она подошла.

— Пусть мужчины идут на Шабирь-озеро, женщины в лес, — сказал он.

— И девок и парней пошлю, большой отец, — шептала беззубая Окинъ. Ей жалко было меха. Но перечить хозяину ултыра она не смела.

Старый Сюзь ушел из дому вечером. Солнце садилось. В логах пахло сыростью.

Ночь он просидел в яме, закрывшись от комаров пестрядным юром. Утром вылез на тропу и не узнал ее. Она вся заросла мелким лесом. Он шел и думал: заругается кам, забыли, скажет, дорогу в Матыныб-кар, забыли Йому, хозяйку земли...

— Не сердись, мудрый кам, — шептал, оправдываясь, старик. — Я принес грозной хозяйке связку зимних соболей. Возьми их и научи меня, потерявшего след.

Старик наткнулся на колючие елки, остановился. Пропала тропа, как растаяла... Много троп бежит к Матыныб-городищу, и все они тонут в болоте, что-

бы злой человек не нашел гнездо кама. Злой человек погинет в болоте. А старый Сюзь даже ноги не промочил, вышел на сухое место, поднялся по крутому боку Матыныб-городища и увидел священную лиственницу. Под ней сидела каменная Йома с двумя ребятами. Он поклонился грозной старухе, выплюнул в горсть изо рта круглую болгарскую себрушку и бросил ее в жертвенную чашку. Чашка стояла на коленях у Йомы.

Кам сидел у землянки на еловом чурбаке и следил за ним.

Старый Сюзь подошел к нему, снял со спины пестерь, достал меха, положил их на траву перед камом и сказал:

— Пера хочет брать жену в своем ултыре!

— Ты Сюзь — филин! — кам взял шкурку годовалого соболя, мял, разглядывал. — Худой капкан у тебя, Сюзь, портит мех. Нельзя посылать такие меха в Искар.

— Я принес тебе вязку зимних соболей, — сказал старый Сюзь. — У тебя в руках один...

Из землянки выполз раб кама и унес соболей.

— Худое солнце, худые меха, худые люди, — ворчал кам, вставая. — Пойдем, Сюзь, спросим Йому.

Кам повел его по узенькой тропе. Она бежала среди высокой травы и переспелых пиканов.

Они дошли, сели на примятую траву под священную лиственницу. Йома глядела на них сердито. У старого Сюзя замерзла спина, он съежился, закрыл глаза и хотел отползти.

Но кам схватил его за рукав.

— Сиди! Я не буду поить теплой кровью Йому, я не буду плясать перед ней, выгонять душу из тела

и посылать душу-птицу в страну отцов. Я буду вспоминать, ты будешь слушать. Это было давно, еще дети наших отцов не родились, еще солнце было горячим, а люди не разбрелись по земле, как вши по меховой рубаше. Мы жили родами, чтили обычаи предков, боялись грозную Йому и любили Ена, доброго синего бога. Тогда камы были старейшинами родов. Они выбирали князя войны, когда враги стучались в ворота городищ. Они выбирали князя лесных угодий, когда наступала пора мира. Мы не знали горя, пока на нашу землю, на землю камов, не пришли из степей черноволосые угры. Они жгли наши городища, убивали мужчин, уводили женщин. Камы выбрали князя войны, но он не стал воевать с пришельцами, ушел на север, увел молодых и сильных. Слабые и старые разбрелись по лесам, и с той поры нас стали называть пармеками, лесными людьми. Мы вырыли землянки в лесных урочищах, молились грозной Йоме и ждали... Черноволосые пришельцы жили, как дети: чтили храбрых и сильных, плясали у больших костров и смеялись над своими шаманами. Они забыли священные обычаи предков и растаяли, как весенний снег. Отец моего отца рассказывал мне, как поднимался дым над Матыныб-каром, как жгли свои деревянные юрты длинноволосые угры, уходя с нашей земли. Отец моего отца, мудрый кам и старейшина, пришел сюда и заставил рабов рыть теплые коли-землянки, с узкими потайными ходами. Он собрал больших отцов и сказал им: «Храните обычаи предков, чтите камов! Кто нарушит обычай отцов — изгоняйте!» Так сказал отец моего отца, мудрый кам и старейшина. Ты понял меня, хозяин ултыра?

Старый Сюзь ушел от кама, спустился по круто-

му боку Матыныб-городища к болоту, перешел его, вышел на тропу. Он шел и думал: «Пера лучший охотник в ултыре и друг князя Юргана, Пера сильный, он не боится старости, его ум всегда будет молодым...»

Старый Сюзь пересидел ночь в яме, закрывшись от комаров пестрядным юром, и утром пришел домой. Женщины еще не ушли в лес. Матери кормили маленьких ребят, старая Окинъ выгребала золу из каменной печки, подростки и девки ползали под нарами, искали чулки и лапти. У дверей копошились ребята, делили слепых щенков... Старый Сюзь послал их на Шабиль-озеро звать отцов на большой совет ултыра.

Вечером собрались все, кроме брата. Пера не пришел.

Старый Сюзь сам зажег дзуркби — живой огонь в каменной печке, сел на высокую березовую чурку, поглядел на своих братьев, сыновей, внуков и сказал:

— Я был у кама! Я отнес ему наши меха...

Братья, сыновья и внуки старого Сюзя сидели вокруг каменного очага, глядели на живой огонь и молчали. Они ждали, что скажет большой отец.

Женщины с ребятами расползлись по дальним углам. Керка — изба — была большая, от дверей до передней стены мужчина шел сорок шагов.

— Слушайте все! — сказал старый Сюзь. — Пера хотел нарушить обычай отцов! Он больше вам не брат, не сородич! Если вернется в ултыр, ему смерть!

В каменном горе живой огонь кусал сухие вересковые сучья. Мужчины молчали... В месяц мете-

лей Пера караулил лосей в урочище Ворса морта, в месяц холодного ветра ловил рыбу на Шабиль-озере. Он не боялся Ворса морта и Войпеля. Он пел веселые песни, когда Йома бесилась и выла, посылая на землю огонь и ветер. Йома рассердилась на охотника, отняла у него разум, и Пера хотел нарушить священный обычай отцов. Горе тому, кто согрешит его у своего костра! Горе тому, кто накормит его...

Завыли женщины, заревели ребята. Старая Окинь кричала: «Он не наш! Он не наш!» Она ворошила на нарах овчины, искала пояс изгнанного сородича, чтобы бросить пояс в огонь.

Старый Сюзь ушел спать в амбар. Женщины еще долго выли в большой керке-избе, кормили пахучим вереском живой огонь, просили Йому не мучить их хворью за вину сородича...

Утром старый Сюзь повел парней и баб с ребятами на луга косить налившуюся траву. Из лета в лето он ставил всего два десятка копен черного сена. За зиму скот тощал, валился с ног. Лошадей приходилось выгонять из землянок-конюшен еще по снегу... Весной старый Сюзь отдал двух лошадей в ултыр Низя за две косы-горбуши. В это лето он поставит на лугу четыре десятка копен и, как Рус, смечет копны в зароды.

Старый Сюзь привел сородичей на тихую Югречку, велел парням строить берестяные шалаши, взял у старшей внучки косу-горбушу и начал косить...

Вздвогнув, ложилась по обе стороны от него сочная трава. Он оставлял за собой широкую тропу. Следом за ним бежали ребята. Они искали сладкие соты потревоженных медуниц. Медуницы жалили

их, ребята орали, как раненные стрелой ушканы. Но он не оглядывался, он звонко сек, отбрасывал тяжелую траву и радовался, что есть еще сила в руках у него.

Старый Сюзь остановился перед березником, на другом конце луговины, выпрямился, вытер мокрое жало косы подолом пестрядной рубахи и пошел по скошенному обратно. Он дошел до середины, встал спиной к Юг-речке и начал поперечный прокос. Свистела горбуша, валилась по обе стороны подрезанная трава. Он ни разу не отдохнул, пока не прошел крест-накрест всю луговину.

Кончив прокосы, старый Сюзь пошел к парням. Они уже нарубили жерди, поставили их костром, связав концы лыком, и ждали девок с берестом.

Старый Сюзь сказал парням, что уходит домой, велел им жить на Юг-речке, скосить в четыре горбуши луговину, сгрести куранами подкошенное сено и скласть в кучи-копны.

Старый Сюзь поднялся вверх по Юг-речке на луга Кондратия Руса. Но не застал его... Рус оставил подкошенную траву сохнуть на ветру и увел семью домой. Старый Сюзь стоял на покосе другодеревенца и думал: ячмень-зерно надо и домой в ултыр надо. По какой тропе идти? Он вспомнил про силковый путик в осиннике и пошел по нему в гору.

Силки на путике-туе пустые были — то ли туя он выбрал худой, то ли птица еще не поднялась в осинники. С туя он перешел на большую тропу, спустился в лог и увидел своих коров. Пас их Туанко-внук. Он рассказал ему, что в ултыре гости, Кондратий Рус с сыном.

Старый Сюзь заторопился домой, вылез из лога и напрямик стал пробираться к ултыру.

Он застал гостей. Они сидели на нарах перед потухшим гором. Окинь в дальнем углу керки шепталась с Ветой.

Старый Сюзь сел на нары, рядом с Кондратием Русом, и вздохнул:

— О,хо! Лося уже мне не умаять.

Рус понял его, покачал головой и сказал, что старость не весна, ей один леший радуется.

Старый Сюзь улыбнулся. У Кондратия Руса свои слова, у него свои, а жизнь у обоих одна и старость одна. Рус выходит косить, и он выходит косить. Он знает, и Рус знает — не бросишь в землю ячень-зерно, хлеб не вырастет...

Подошла старая Окинь. Она напоила гостей вересковым сюзом и сказала:

— Рус пришел покупать невесту.

Старый Сюзь велел ей привести внучку. Окинь ушла, связала лыком Вете руки и вывела ее, как телушку, на середину керки.

— Гляди! — сказал старый Сюзь гостю. — Хорошая девка. Твоему парню жена, тебе работница.

Гость спросил — зачем у Веты берестяной обруч на голове.

— По обычаю отцов, Рус. Невесты носят...

Кондратий Рус разглядывал девку и молчал. Парень его посмеивался. «Радуется, теленок», — подумал старый Сюзь, не сердясь.

— Вету знаем, — сказал гость. — Бывала она у нас. Говори, какая цена головы, юр-дон, по вашему... Даром ведь не отдашь внучку.

Старый Сюзь назвал цену головы — два мешка ячменя, и стал уговаривать Руса, чтобы он уводил Вету скорей в свое гнездо, не ждал осени.

МЛАДШИЙ БРАТ СТАРОГО СЮЗЯ

Небо помаленьку меркло, бусели зеленые листья, темнела трава.

Пера лежал в осиннике, ждал ночь. И она пришла, черная, как медвежья шкура. Он вылез на тропу, постоял, поглядел на тусклые звезды и пошел к родному ултыру.

У темной огорода встретили его собаки. Они жались к нему, скулили.

Он перелез, прокрался к керке и сел у раскрытых дверей. Ночью керка казалась еще ниже, только крутая односкатная крыша поднималась над коноплянником. Он сидел на перевернутой колоде и думал о Вете, о сородичах. Они спят, а он бродит вокруг родного ултыра, третью ночь бродит...

Кто-то громко закашлял, заскрипели нары. Пера ушел от дверей, залег в траву.

Из керки вышел старый Сюзь с рогатиной. Собаки покрутились у него под ногами и кинулись в траву. Подняв рогатину, старик пошел за ними. Пера отполз к огорода, перемахнул через нее и свалился в яму. Старый Сюзь увидел его, закричал, и сразу ожил ултыр — замелькали серые тени, зачкакали стрелы по сухим жердям...

Пера выполз из ямы и побежал к лесу, наткнулся на колючий елушник, свернул в лог. Ночь темная, глаз коли — не увидишь, а он бежал, через ямы прыгал, нырял под широколапые елки. Места

родные ему, знакомые, вырос он здесь, каждую ямку знал, каждый кустик.

Логом бежать тяжелее, оплетала ноги осока. Он остановился, но услышал лай собак и заметался, как обложенный зверь. Низом уходить, по открытому месту, сыро. Услышат его сородичи, подстрелят. Он бросился в гору и завяз в густом осиннике, кое-как вылез из лога, прополз шагов двадцать и свалился. Не успел как следует отдохнуть, светать начало, зазвенели болотные курочки, заукала кукушка. Он вытер волглым мохом горячее лицо, переобулся и пошел напрямик к Юг-речке.

Белело небо. Дрозд-ранник будил птиц. Лес открывался, светлел.

Все чаще и чаще попадались сырые травянистые полянки, кривые черемухи, раkitник. Лес расступался, редел. Пера вышел к Круглому омуту и стал спускаться по речке в урочище Ворса морта.

Речка выбежала на луга. Он перешел ее, поднялся на гору. Внизу чернел большой старый лес. В нем всегда было сумрачно и тихо, его облетали веселые птицы, боялись охотники. Жил в старом лесу брат оштяцкого бога Мойпер, служили ему хитрые росомахи... В голодную зиму Пера бил здесь лосей, кормил сородичей мясом, а весной поставил на краю урочища островерхий чом — шалаш. Подходя к своему чому, Пера вспомнил, что в урочище Ворса морта приходят умирать старые волки...

Целый день он провозился с луком, мочил его в ручье, обматывал сыромятным ремнем. В сумерки вышел на охоту, добрался по ручью до Юг-речки, подстрелил двух куликов и вернулся к чому с едой.

Всю ночь ему снилась старая Окинъ. Она поила

его сюрсом. Он пил из большого туеска теплый сюр и не мог напиться. Мимо его провели Вету, он побежал за ней и завяз в густом, холодном осиннике...

Проснулся он рано, напился в ручье и пошел на Шабиль-озеро. В логу темно. Серые совы летали неслышно, будто плавали среди черных елок. Не похожи они на птиц. Старый Сюзь говорил, что это орты — души умерших сородичей. «Кто нарушит обычай отцов, — говорил он, — душа того после смерти не улетит к предкам, а станет серой ночной птицей...»

По сваленной осине Пера перебрался через Югречку и вышел на луга. Солнце уже поднялось, искрилась роса. Он брел по мокрой траве к березам и думал: просить надо у князя Юргана лодку-камень. Без оштяцкой камьи рыбу из озера не достанешь. Шабиль-озеро хитрое. С одной стороны широкая отмель — какая на ней рыба! А с другой — болото топкое, не подойдешь...

Он спустился от берез к Шабиль-озеру и увидел двух оштяков на лодке — старика и молодого парыча. Молодой стоял на коленях, с гребком, а старик возился с сетью. Приглядевшись, Пера узнал обоих — рыбачил Золта с сыном.

Нагруженная рыбой оштяцкая камья шла тяжело и шагах в десяти от берега застряла на отмели. Рыбаки вылезли и взялись за камью.

Пера зашел в воду и помог им подтащить камью к берегу.

— Нога у меня болит, — сказал Золта, вылезая из воды. Он сел на песок и заохал.

Парыч его стал выбирать из камьи рыбу, он складывал ее в корзину. Пера хотел помочь ему, но старик усадил его рядом с собой и стал расска-

зывать, как в первый месяц зеленой травы он гнал кобылиц в пауль, как хозяин испугал лошадей и больно хлестнул его суком по ноге...

— В месяц налима я не отдал хозяину леса первую убитую птицу. Хозяин леса на меня рассердился.

Пера спросил о здоровье князя.

— Князь Юрган друг тебе. И старому Сюзю он друг. Молодая жена князя из вашего ултыра.

— Князь примет меня? — спросил Пера.

Золта не ответил, охая, поднялся, вытащил из куста шест.

— Всю рыбу не выбирай из камьи, — сказал он сыну. — Шаман Лисня придет. — Золта вздохнул. — Худой человек шаман Лисня, но обычай предков нельзя нарушать. Десятую часть добычи предки отдавали шаману.

Золта наломал ивняка, укрыл рыбу и взялся за шест.

— Жди шамана, друг Пера. Он возьмет рыбу, ты камью!

Они ушли.

Пера натаскал к кострищу сушняка, сходил за берестой. Сняв с шеи кожаный мешочек, он развязал его, достал белый камешек, кусок крепкого железа и трут, высек на трут искру и поджег бересту.

«Золта не хозяин пауля, — думал Пера, раздувая огонь, — надо к князю Юргану идти».

Солнце поднялось высоко, середина дня скоро. Пера выбрал в оштяцкой камье толстого линия, испек его на углях, разрезал, густо посыпал золой и стал есть. Жирная рыба пахла тиной, казалась пресной. Не зря, видно, старый Сюзь отдавал за маленькое ведерко соли сорок зимних соболей.

Шаман Лисня пришел один, сел к костру и заэкал.

— Цэ, цэ, цээ... Как будешь жить, парыч?

— У меня есть лук и две верши-гымги...

— Цэ, цээ... Выпадет снег, гымга от стужи не спасет. Я знаю, парыч, старый Сюзь прогнал тебя из ултыра. Он хочет продать внучку Русу.

— Я пойду к князю Юргану. Он рума мне, друг.

— Не ходи к нему, парыч. Он худой. Сын Руса унес священное серебро, обидел бога. А князь принял от Руса подарки и забыл обиду. Ты иди ко мне, парыч. Старый раб у меня умер, а молодого я послал к Асыке. Асыка сожжет гнездо Руса и убьет князя Юргана.

— Врешь, шаман. Асыка не убьет князя-сородича!

— Князь Юрган не сородич Асыке! — кричал Лисня. — Не сородич!

Пера засмеялся, сказал ему, что Юрган и Асыка говорят по-оштяцки и вера у них одна, оштяцкая. Шаман вскочил, заругался, забежал вокруг костра, звеня подвесками.

— Он не верит великому Нуми Торуму. Он бил меня плетью...

— Не сердись на князя, — уговаривал Пера шамана. — Князь хочет жить в мире с соседями.

Но шаман не слушал его, трясся от злости и кричал:

— Князь Юрган забыл веру, забыл бога и обычаи предков! Он не сжег гнездо Руса! Я спрашивал великого Нуми, что делать с князем-отступником.

Пера встал, и пошел по песчаному берегу наверх. Шаман Лисня кричал ему вслед, ругался и грозил мечом Асыки.

Кондратий ушел из дому рано, по росе, В лесу пахло земляной сыростью и грибами. А на кулиге ветер гулял, спелую рожь давил к земле.

Постоял Кондратий у желтого поля, полюбовался на густую рожь и дальше отправился, в ултыр Сюзя.

С хозяином ултыра он скоро договорился. Солнце еще не успело разогреться как следует, а он уж домой шел. Легко шел, будто молодой, а как увидел с горы свой двор, обнесенный высоким заплотом, и все вспомнил. Рогатина тяжелее стала, на лапти будто глина налипла, на сухой-то дороге, в серпень-месяц... Вроде бы грех ему на лето жаловаться: и яровые посеяли вовремя, и с лядиной управились, и сена зеленого поставили шестьдесят копен... А ведь с самой весны ни единого дня на спокойное не жили! Одна беда проходила, другая наваливалась. Ивашка поправляться начал, с Прохором беда — задумался, затосковал мужик. Татьяна на него и с веника брызгала, и через огонь заставляла прыгать. А Устя хохочет: разрыв-траву, говорит, ему надо пить. Его, говорит, юрганка околдовала.

Татьяна гнала ее из избы и шептала над Прохором: «За морем, за окяном сидит на белом камне девица с палицею железною, раба божьего Прохора обороняет. Уйди боль-хворь, присуха из крови, из кости, из ретивого сердца...»

— Не шелести, ворожея! — орал с лавки Ивашка на мать. — Спалю я юргановы юрты. И все тут!

Татьяна бежала к нему, отговаривать от лихого дела молодшенького. Прохор хватал шапку в охапку — и из избы. Они с Гридей слегли перебирали в овине... «Замаяла тебя ворожея!» — смеялся Гридя. «Кому ворожея, а нам с тобой мать», — отвечал ему Прохор и за работу принимался.

За Прохора Кондратий душой не болел, у старшего сына голова на плечах, не корчага. А вот с Ивашкой беда: пока лежнем лежал на лавке, все грозился оштяцкие юрты спалить, на ноги встал — того хуже надумал: пойду, говорит, князю служить.

— Какому? — допытывался Кондратий. — Ултырскому или Асыке? До московских князей отселе не одна тысяча верст.

— И ултырский князь, все едино князь!

— Крест на тебе! Христианский крест, дурень! — кричал на сына Кондратий, а сам думал: может, и лучше так-то, мать учит лаской, а чужие — тряской.

Татьяна неделю ревела, да разве дурня уговоришь, заладил одно: не хочу дома робить, хочу мечом князю служить. А того, дурень, не толкует, что князьям потеха ратная, а черным людям — горькие слезы.

— Ну, пусть едет! — решил Кондратий, открывая тяжелые ворота.

Прохор у овина ладил волокуши под ржаные снопы.

— Ивашка где? — спросил его Кондратий.

— Дома, — ответил Прохор. — Лесовать собирается!

— Бросай, пойдем в избу!

Ивашка ел. Татьяна около него топталась, как гостя, потчевала.

Усти в избе не было. Параська в углу толкла в ступе ячмень на заваруху.

Кондратий сел на лавку. Состарилась его Татьяна, худая стала, кожа да кости, а все топчется, за весь день не присядет.

— Ты бы отдохнула, мать, — сказал он.

— Некогда мне рассиживаться! — заругалась она.

Пришел Прохор, сел к нему на лавку.

Она увидела их рядом, суровых, притихших, и сказала без ругани, ласково:

— Ивашка лесовать хочет...

— Готовь брашно и питье Ивашке, — сказал ей Кондратий. — Все едино не работник. Пусть едет.

Татьяна не заревела, не заругалась, подошла к мужу, спросила:

— Али тебе он не сын?

— Готовь брашно, сказано!

Ивашка отодвинул чашку с едой, перекрестился.

— Завтра отправляйся с богом! — сказал ему Кондратий. — Я не держу.

— А жеребца дашь?

— Жеребца Прохор выкормил. Его жеребец, с ним и толкуй!

— Пусть берет, — сказал Прохор. — Жеребец — лошадь, выкормим еще... Брат мне дороже.

Ивашка обрадовался, бросился к матери, чуть стол не опрокинул.

— Устю зови! — тормошил он мать. — Не ближний мне путь. Еды, поди, надо немало!

На другой день провожал сына Кондратий, дошел с ним до ултырских шутемов и сказал: «Про-

щай, Ивашка! Мне отвечать за тебя перед богом и людьми!» Захохотал Ивашка, хлестнул плетью жеребца, и не стало его. Закрыли Ивашку колючие темные елки...

Вернулся Кондратий домой и сказал своим, чтобы готовились завтра с утра жать. Девки забегали, ситами застучали, а Татьяна и головы не повернула от икон, стояла в переднем углу на коленях, как приклеенная.

— Я на кулигу схожу, — сказал Кондратий, доставая из-под лавки косырь. — Затянуло тропу вязовником, с волокушей не продерешься.

Татьяна молилась.

Прохор точил на камне серпы.

— Рогатину возьми, — сказал он отцу. — Затемнешь...

Кондратий ушел из дому утром, а до кулиги добрался к вечеру — все с вязовником воевал. Домой пришел полночь, в избу не пошел, лег спать в овине, с парнями.

Утром, пока собирались, и ултыряне подоспели. Старый Сюзь прислал двух баб, Вету и брата ее, Туанка. На четверых — один серп, чарла по-ихнему, и три косыря лесорубных. Вету и парня Кондратий оставил, а бабам сказал, чтобы в ултыр шли — пора страдная, и дома работы найдется. У старого Сюзя ржи по гари посеяно мало, зато ячменя десятин пять, а то и больше, да еще овес...

Погода стояла добрая. Кондратий торопил жнецов, поднимал до свету, сам жал с утра до позднего вечера, не разгибаясь.

— Замаялись мы, тятя! — жаловалась Устя. — Силушки нет!

— Дожди, Устенъка, скоро начнутся, — говорил он ей. — Как не успеем!

— Небо-то синющее.

— Ноги, Устенъка, сказывают. Болят ноги, непогодь чуют.

Татьяна поставила ултырянку с правой руки и глаз с нее не спускала. Кондратий тоже глядел на невестку. Как жнет? Низко ли кланяется до спелой ржи? Торопится старый Сюзь выпихнуть ее из ултыра. А зачем? Непонятно... Брат-то у ней прострел, всем пособить успеет. Вьун парень! Только Кондратий распрямился, он уже тут, с туеском. Юже, говорит, пей, большой отец... Вета не такая. Ленивой не назовешь, а не увертлива.

Позвали Кондратия к костру, поужинать. Туанко уху сварил.

Ели бойко, жать, видно, не галок считать.

— Не жнешь ты, девка, себя мучаешь! — сказала Татьяна внучке старого Сюзя. — Горсть-то помене захватывай. И помогай серпу, рожь от себя клони. Поняла?

Вета поглядела на брата и пролепетала по-своему.

Туанко засмеялся.

— Чарла у ней худой и жених худой, она говорит!

Татьяна не успела рассердиться. Туанко схватил ултырский серп и сунул ей в руки. Она повертела тупой серп, покачала головой и отдала его Гриде.

— Берись, точи. Жених, прости мя, господи!

После паужны Татьяна ушла домой, скотину доглядеть.

Кондратий жал со всеми дотемна, но спать на кулиге не остался, домой отправился. И Туанко

увязался за ним. Шли они рядышком, под ногами мох поскрипывал, вички пощелкивали.

Туанко играл на дудке тоскливую песню, и казалось Кондратию, что уж не теплое лето, не серпень-месяц, а зима лютая, и сидит он один у потухшей печки, слушает, как ветер воет и рвется к нему в избу.

— Другую песню сыграй! — попросил он парня. — Тоскливая больно.

Ночь совсем потемнела, не разберешь, где тропа, где лес. И небо такое же черное, звездочки нет. Слышал Кондратий, маленьким еще, сказку: будто живет на краю земли зверь, одевается он в тучи черные и по небу ползает, звезды ест. Подавится зверь звездочкой, кашлять начнет, так кашляет, что искры из глаз у него сыплются и слезы льются...

Туанко за рукав потянул Кондратия, спросил — зачем чипсан-дудка тоскливая?

— Не дудка, парень, тоскливая, а душа, — ответил ему Кондратий: — По-вашему орт, а по-нашему душа значит... Понял?

— Понял, большой отец! Душа у дудки-чипсан тоскливая. У березы душа веселая, но чипсан березовый не поет.

Смешно Кондратию показалось, но спорить с парнем не стал, по-ихнему — и дудка, и береза, и травинка всякая душу свою имеют. Нехристями Татьяна ругает их, чучканами. А может, и зря... Собрался нынче весной Кондратий молодую березу рубить на бастриг, замахнулся, взглянул ненароком на зеленую и опустил топор. Да и как не опустишь, если стоит перед тобой береза, дрожит вся, будто боится...

У речки Туанко остаться хотел. Ветеля, говорит, перетащу, утром рыба из ям пойдет табуном. Может, и пойдет, да побоялся Кондратий оставлять парня одного в лесу в такую ночь.

Ночевали дома. Утром дождь начал накрапывать.

Как думал Кондратий, так и случилось: под дождем и рожь дожинали, и снопы возили домой. С яровыми меньше намаялись: на успенье восток подул, разогнал тучи.

Управились с хлебом, поставили последний сноп из дожинок в передний угол и сели за стол.

Татьяна обычай дедовский не забыла, позвала к столу прашуров:

С нами за стол, деды, садитесь,
Пиво пейте, кашу ешьте,
От злого, недоброго нас оберегайте...

Вспомнил Кондратий отца, родной дом на крутом берегу Сухоны, стукнул кулаком по столешнице.

— Налей, Татьяна!

За лесами густыми, за болотами топкими остались прашуры. Бродят они в праздник дожинок, как сироты, сродников ищут, сыновей, внуков.

Поднялся Кондратий с полной кружкой, оглядел семью, проглотил комок слез и сказал:

— Не сердитесь, прашуры! Без великой нужды дедовские могилы не бросают!

Прохор понял его, опустил голову, а Гриде смешно — думает, захмелел тятка, разговорился.

Затосковал Кондратий, ушел из избы, по пути овинные ворота открыл настежь — пусть снопы обдует, спустился к речке и сел над омутом. В первое

лето, как пришли они из Устюжины, рыбы тут было хоть ведром черпай. А потом ушла рыба из ому-та, не стала ждать, когда ее всю вычерпают...

Пятнадцать лет прошло в трудах да заботах, а родную деревню на Устюжине Кондратий никак забыть не может. Поклониться бы тогда князю Юрию, работать на своей земле исполу: сноп себе, сноп князю. Обидно только: земля дедовская, ни скота, ни семян он у князя не брал, а в закупы к нему иди. Не успеешь и оглянуться — холоп княжеский, в своей семье не хозяин...

Подошел Туанко, сел рядом с ним, достал дудку. Заплакала ултырская дудка — ветер так плачет в дремучем лесу, бьется ветер в лесной густерне, вырваться хочет на поля, на луговины. Ветру тоскливо, а человеку, поди, и того горше — леса, болота окрест, и нет им края, нет им конца...

Обнял Кондратий парня, сказал:

— Живи у нас Туанко! Я хозяину ултыра за тебя мешок ржи увезу!

На другой день Прохор с Гридей в лес ушли, путики ладить, к осенней охоте готовиться. Кондратий дома остался.

— Надумал? — спросил он Туанка.

— Боязно мне, большой отец.

— Чего боязно-то? Надоест у нас жить, в ултыр иди. Я не князь, силой держать не стану!

Туанко долго молчал.

Кондратий не торопил парня: пусть думает... К концу зимы не сладко в ултыре — хлеба нет, мяса нет. Не только зайцев и собак, всякую поганину едят: соболев попадет в ловушку — еда, горностаев попадет — тоже еда... Но все-таки дома, среди своих...

— А Вету возьмешь? — спросил Туанко.

— Как не возьму! Невеста она Гридина.

Татьяна подошла к ним.

— В ултыр я, к старому Сюзю поеду, — сказал ей Кондратий. Выкуп отвезу. Туанко у нас остается, мать.

Татьяна вдруг ни с того ни с сего заревела: Ивашку, видно, вспомнила...

Пока он ездил, Татьяна баню истопила, вымыла обоих и медные крестики на шею им повесила. Вернулся он из ултыра, а Туанко и Вета за столом уже сидят, как именинники. Татьяна перед ними топчется, учит их, бог, говорит, у нас один, но в трех лицах — бог отец, бог дух святой, бог Иисус Христос...

— А который бог большой? — спросил Туанко. — Я ему кровью рыло намажу, чтобы не сердился.

Татьяна закричала на парня, обозвала «нехристом», схватила с божницы икону. Гляди, говорит, какой Христос наш, молись ему, чтоб простил твои грехи, вольные и невольные...

— Прости вольные и невольные, большой бог, — сказал Туанко, кланяясь иконе.

Татьяна успокоилась и стала рассказывать им, как жил Христос в граде Назарет именуемом, как пришел он в Иерусалим к фарисеям...

— Схватила его стража ерусалимская по навету иудиному, повела его стража на мученичество. Распяли бога нашего, гвоздями железными приколотили к кресту...

Туанко слушал и сестре пересказывал по-своему, по-ултырски. Вета улыбалась.

— Ты чего ей такое мелешь! — накинулась

Татьяна на парня. — Я про страсти господни толкую, а она хохочет!

Туанко и сам засмеялся.

— Большого бога нельзя гвоздями колотить, она думает.

Татьяна только руками всплеснула.

— Отстань ты от них, — сказал Кондратий жене. — Не майся зря! Поживут у нас, привыкнут!

Татьяна поставила икону на божницу и ушла в кут за печку, квашонку ставить.

Кондратий пересел с лавки за стол и сказал Вете, что выкуп старый Сюзь принял.

— Теперь ты моя дочь! Нывка моя. Понимаешь?

— Она понимает, большой отец, — сказал Туанко. — Устя ее научила по-вашему.

— А ты куда собрался на ночь глядя?

— Ветеля трясти. Рыбу принесу, большой отец.

Кондратий пошел с ним на омута. Все едино, надо где-то коротать ночь. В последнее время он плохо спал — тосковал об Ивашке. Сильно тосковал, но виду не показывал, не хотел зря Татьяну расстраивать.

Всю ночь они провозились с ветелями, зато ведра три рыбы достали.

Татьяна у ворот встретила, сказала, что пришли сыновья из лесу.

Кондратий с утра заставил их семенную рожь сушить на ветру, а сам взялся дно подшивать к лукошку. Туанко не отходил от него, расспрашивал. Чудно парню казалось, что большой отец волчью шкуру подшивает к лукошку сыромятными ремнями.

— Будешь хозяином, — учил Кондратий парня, — доспей из волчьей шкуры решето, о тридцати

дырах, и сей из него семена, и никто не попортит твоей нивы: ни гнус, ни птица. А если медведь начнет портить ниву, то возьми конскую голову, валяющуюся, и до солнышка, чтобы никто не видел тебя, ткни эту конскую голову зубами кверху среди поля на березовый кол.

— А где твоя гарь, большой отец? За речкой?

— Не по гари, парень, будем сеять нынче.

Кондратий рассказал ему, что на Руси у всякого хозяина три поля: на первом хозяин озимую рожь сеет, на втором — ярь, а третье поле под паром лежит, отдыхает.

— Сам видишь, с лесом мне воевать тяжело. У вас в ултыре людей много, старый Сюзь с десятиной леса за три дня справляется. На одну весну он лес рубит, на другую — лес попалит и сеет по гари. Короб высеет — шестьдесят коробов соберет. Хорошо, когда семья пятьдесят человек... Вот так, парень. А мне всякий раз приходится соседям кланяться, то деду твоему, то князю Юргану. Лес рублю весной — кланяюсь, помогите! Осенью срубленный лес по лядине растаскивать надо, опять кланяюсь. Семья-то моя невелика... Лет десять назад вырубил я две десятины леса за малинниками, бревна во двор свозил, пни выкорчевал, спалал. Соху-то мою видел? Ей и пахал. В первый год рожь посеял, на другой — ячмень, а на третий год сеять не стал, пусть, думаю, отдохнет годков восемь земля, силы наберется... Ну, а нынче тот шутем, за малинниками, вспашем под рожь.

В избу вбежал Прохор.

— Чего ты? — спросил его Кондратий. — За рожь семенную боишься?

— Беда, тять! Орлай убит в нашем лесу...

К ночи поднялся сильный ветер.

Ивашка остановил коня под высокой сосной, слез, снял седло, стреножил коня сыромятным ремнем и отпустил пастись, а сам тут же, под сосной, сел ужинать.

Ел он Татьянину стряпню и думал о Майте. Украсть бы девку! А куда с ней денешься! Не сума ведь, к седлу не приторочишь.

Он долго не мог уснуть. Жеребец ходил рядом, фыркал, видно, сердился на жухлую траву... Сон навалился, как домовой, придавил парня, отнял силу. Засыпая, Ивашка увидел вспыхнувшую звезду, белую...

Проснулся он от холода, встал, огляделся. Ветер гулял по лугу. Скрипела старая сосна. Шумел лес, качался. У речки горел большой костер.

Ивашка пристегнул к поясу меч и пошел к костру, но сажени две не дошел, лег, затаился, прижавшись к холодной траве.

У костра сидел ултырский мужик... Придавить бы его, подумал Ивашка. Но уж больно велик, и с мечом натьто. А как не сдюжу?

Большой мужик навалил на костер сушину, лег, закрылся шкурой.

Ивашка подполз поближе к костру, выдернул нож, прыгнул на спину мужику, но всадить нож не успел. Мужик схватил его за руку, ниже локтя,

и подмял под себя. Крепкие, как железо, пальцы сдавили горло. «Конец», — подумал Ивашка, но пальцы разжались, и он увидел над собой соседа-ултырянина. Пера сидел на нем, улыбался, вытирал о траву руки.

— Дай встать-то, медведь! — заругался Ивашка. — Ишь навалился!

— Убить меня хотел? — спросил его Пера, вставая.

Ивашка захохотал.

— Дурень ты! Разе я знал! Ночь ведь... Думал, чужой мужик сидит. Может, разбойник!

Ивашка сходил к сосне, захватил в беремя лук с налучником, седло с переметными сумами и приволок к костру.

— Я теперь воин! К вашему князю еду служить. А ты сразу давить! Все вы ултыряне без понятия, не зря вас пармеками зовут, лесными людьми.

Пера слушал его, молчал, ворошил палкой костер.

— Подожди! — спохватился Ивашка. — Я к князю еду, а ты куда собрался?

Пера вздохнул и сказал, что и ему туда же дорога.

— Прогнал меня из ултыра старый Сюзь!

— А коня дал? Без коня ты мне не попутчик!

Пера ушел от костра и лег в яму, закрывшись медвежьей шкурой.

Костер горел неровно. Ветер раздувал огонь, рассыпая липучие искры.

— Спать наладился? — спросил Ивашка.

Пера не ответил ему.

Обругав его нехристом, Ивашка тоже лег, но у костра, с наветренной стороны.

Черное небо медленно опускалось. Огонь слабел, ложился на землю и кусал траву.

Тьма давила костер...

Утром Ивашка бросился искать жеребца, нашел его в логу, привел к костру.

— Иди, ешь со мной, сын Руса, — позвал Пера.

Ивашка привязал коня за куст и сел хлебать ултырскую уху.

Пера ел и рассказывал. Жил он в юрте князя Юргана три дня, а потом князь сказал ему: «Выбирай, друг Пера, любую лошадь в моем табуне...» Не хотел, видно, князь ссориться с хозяином большого ултыра, дал гостю меч, новые камусы, теплую медвежью шкуру и проводил до Нюрмы-речки...

— Ишь, хитрый Юрган! Я, Пера, хотел его юрты спалить.

— Князь друг мне.

— Буде врать-то! Какой он друг! Коли прогнал.

— Князь Юрган чтит обычаи соседей.

— Дикие вы все...

Они ехали по лугам. Рядом шумела веселая Нюрма-речка, осыпанная желтым листом. На каменистых перекатах она кипела и пенилась, смывая с себя палые осенние листья.

Бойкая Нюрма-речка уводила их все дальше и дальше от родных мест. Она бежала на восток, к большой широкой реке, на поворотах оставляла песчаные отмели. На отмелях табунились перелетные птицы. Они взлетали стайками к синему небу... «Эх, купался бобер в речке-заводи», — запел Ивашка.

Эх, купался, купался, не выкупался,
На горе бобер отряхивался,
Отряхивался, да ошарашивался...

Холодный порывистый ветер студил спину. Бежали по траве белесые волны.

Ищут, свищут черна бобра
По озерам, ручьям охотнички,
Эх, молодые ребята, разбойнички...

Кони шли ходко. Пера сидел истуканом в высоком оштяцком седле — не то спал, не то думал. Ивашка из рук повода не выпускал, горячил жеребца.

Луга кончились сразу. Кони зашли в осинник и остановились. Ивашка выдернул меч, хотел пробовать дорогу.

— Оштяцкая тропа выше идет, — сказал Пера.

Они поднялись на старую тропу, заросшую елушками и мелким осинником.

Кони брели по густому подлеску, как по воде, и опасливо фыркали, ступая в зеленые омуты. Ивашка махался плетью, торопил жеребца.

— Зря коня обижаешь, сын Руса, — сказал ему Пера. — Конь не видит земли.

— А ну ты к лешему! — отругивался Ивашка. — Не шелести! Конь тварь бессловесная, а я христианин!

Они выехали из осинника и стали подниматься по крутой каменистой горе. Потные кони дрожали от усталости, пришлось слезть и вести их в поводу.

Ивашка вылез на гору и заорал:

— О-го-гоо!

Пера понял, сын Руса увидел большую реку. С горы она кажется серебряным поясом богатыря.

Пера и сам увидел широкую. Горб ее блестел на солнце, как рыба чешуя.

— Баско? — спросил он Ивашку.

— Аха! А пошто ее рекой Камой зовут?

— Давно зовут...

— А ты Расскажи.

— Коней застудим, уходить надо с Челпан-горы.

Они спустились к большой реке, нашли старую тропу и неподалеку от нее, отпустив расседланных коней пастись, разожгли костер.

Лес помаленьку тускнел, меркла трава. День таял. Они глядели на красную догорающую зарю и оба хмурились. Такая зоря к непогоде.

Река угрюмо шумела. Гулял по ней ветер, дыбил волны.

Они поели у костра. Пера умял траву, положил в изголовье седло и лег.

— Про большую реку Расскажи, — попросил его Ивашка. — Ночь долгая, выпишься.

— Я не так знаю...

— Как знаешь, так и рассказывай! По-нашему говоришь, по-оштяцки говоришь. Выходит, ты толмач мой.

Пера засмеялся.

— Чего гогочешь! Ваш князь, поди, христианского языка не понимает. Будешь ему мои слова пересказывать. Толмачом будешь моим, пересказчиком значит. А мне, Пера, обидно... Пошто большая река по-вашему зовется?

— Давно это было, сын Руса. На нашей земле разные люди жили, но мы помним Кама, великого охотника. Он был сыном доброго бога Ена. Он научил нас делать вересковые луки, ставить на путиках ловушки на зверя и варить в корчагах сюр... В ту осень сын бога-неба Кам убил много лосей и медведей. Грозная Йома просила у него десятого зверя, но он прогнал ее. Йома рассердилась и по-

слала Войпеля, так мы зовем северный ветер. Войпель налетел на него с шумом-воем, как дикая свора собак. Великий охотник поймал северный ветер в шубный рукав и стал смеяться над грозной старухой. Тогда Йома рассекла землю и выпустила воду. Слепая вода искала охотника, смывая леса и горы. Никто больше не видел Кама... Люди говорят, что великий охотник увел воду к теплому морю, чтобы спасти свой народ.

— Врать ты, Пера, мастак! А я быль знаю. Мне мамка пела... Ну, слушай:

Случилось быть посреди земли,
Посреди земли, наокруг полей,
Наокруг полей, на полянушке.
Прибежали туды девки за полночь —
Встречать солнышко пресветлое,
Величать Ярилу божьим именем...

Замолчал Ивашка, запрокинул голову и долго глядел в густое черное небо.

— Как дале поется, запоматовал я. Забыл и все тут! Одно знаю, про Егория-воителя быль. Проклял их будто Егорий: как плясали девки поперек поля, так на поле том и остались, в серы камни превратились. Выходит, бог наказал девок. А у ты за охотником вода бегаёт. Зверь она или оборотень?

— Люди сказывают.

— Люди! А вода в Каме вашей синяя.

— От слез бога-неба она такая. Добрый бог Ен жалел сына.

— Не шелести! Один бог на земле Исус Христос, а ваши боги болванами зовутся.

Пера встал, взял седло и ушел к лошадям. Он привел заседланного коня, скатал медвежью шкуру, стал ее привязывать к седлу.

— Ты чего? — удивился Ивашка. — Ночь темная! Куда собрался?

— Поеду один... Ты не сын Кондратия Руса! Сын куля ты, пон, собака!

Ивашка схватился за нож, но тяжелый кулак ултырянина сшиб его с ног.

Простучали копыта. Пера уехал.

Ивашка лежал в траве, раскинув руки. С качающегося вязовника сыпался на лицо ему мелкий гнус и лез в ноздри, в рот, под рубаху.

Ветер вдруг стих, пошел крупный холодный дождь. Ивашка застонал, приподнялся и долго глядел на желтый гаснувший костер. Шумел дождь. Плясали на листьях тяжелые капли.

Ивашка долго сидел под дождем, обессиленный и мокрый, как мышь, потом кое-как дополз по мокрой траве до костра и лег.

Дождь скоро кончился, опять зашумела река, закрипели старые елки.

Он лежал до утра, а когда рассветало и лес отодвинулся, пошел искать шапку и нож.

Мокрая трава оплетала ноги жеребцу. Жеребец спотыкался. Ивашка хлестал его, сердился на непогодь, ждал тепла, солнышка, да так и не дождался. Туман уполз к воде, а теплее не стало. Небо, затянутое тучами, было сырым и холодным.

Тропа вертелась, обегала болота осочные и овражки, но далеко от большой реки не уходила.

В полдень Ивашка съел краюху хлеба, напился в ручье, напоил жеребца и погнал его в гору. Он торопил жеребца, хотел засветло догнать ултырянина. Хоть и нехристь Пера, варнак, но ехать вдво-

ем веселее. И с чего взъярился ултырянин? Одно Христос, а другое — идол бусурманский... Видел Ивашка, как ултыряне богов мастерят: срубят лесину в три вершка толщиной, проковыряют ножом рот да глаза и молятся чурке, шкуры на нее вешают, рыло ей кровью мажут.

День начал меркнуть. Бусый туман лег на тропу, меж темных стен леса. Жеребец стал бояться кустов и ям.

Костер вырос как из-под земли, жеребец шарахнулся от огня. Ивашка еле усидел в седле. А Пера даже не оглянулся.

Отпустив расседланного коня, Ивашка подошел к нему.

— Здорово ты меня кулаком мякнул!

Пера промолчал, отодвинул палкой огонь, достал из золы тетерку, покатав ее по траве, разрезал на две половины, одну отдал Ивашке.

Наевшись, Ивашка сходил за дровами. Пера напоил лошадей и лег спать, завернувшись в медвежью шкуру.

Начал накрапывать дождь. Ивашка придавил костер сушиной и тоже лег, укрывшись с головой зипуном.

Дождь стучал звонко по кожаному зипуну, будто песню выстукивал...

Бережочек зыблется, зыблется,
А песочек сыплется, сыплется...

Утро было холодным. Ивашка поплясал у потухшего костра, схватил кожаное ведро и побежал поить лошадей.

Кони шли вяло — и им надоела непогода.

Ивашка ругался, грозил кулаком сырому небу,

а дождь лил. Днем и ночью лил. Они спали под дождем, утром садились мокрые на мокрых лошадях.

Дороге не было конца.

В лесу оштяцкая тропа металась из стороны в сторону, на лугах вытягивалась, ровная и прямая, как разостланный бабами неотбеленный холст.

На шестой день тропа спустилась к реке.

— Плыть будем, — сказал Пера, слезая с коня. — Большая река тут на закат поворачивает, а нам прямо.

Пера снял шабур, завернул в него лук с налучником, снял поршни с ног, отстегнул меч, привязал все к седлу. Ивашке тоже пришлось снимать меч с пояса, бахилы с ног и привязывать к седлу.

Завел он жеребца в воду, помолился Миколезаступнику и поплыл.

Жеребец вытягивал шею, как гусь, плыл ходко. Ивашка держался одной рукой за стремя, другой — по воде бил.

На середине река развернула их и понесла.

— Наперед коня заплывай! Наперед! — кричал ему Пера. Ивашка и сам понимал, что заплывать надо, отпускать стремя, да рука не разжималась. Спасла его песчаная коса. Увидев ее, Ивашка рванулся вперед и помог жеребцу развернуться. Стремнина осталась позади. Большая река смирилась, не крутила их как осенние листья. По спокойной воде жеребец легко плыл к берегу.

Пера ждал их на косе. Он поймал выскочившего из воды жеребца.

Ивашка оделся, опоясался мечом и вскочил в седло.

Они погнали коней в гору.

Ивашка выехал первый и увидел у лесу две большие ултырские избы, огороженные высоким заплотом.

Ултыряне стояли кучей за воротами и глядели в небо. Перед ними топтался поп в черной рясе, с мечом на поясе и с золотым крестом в руках.

Они остановили коней саженьях в трех и стали слушать. Поп говорил по-ултырски. Ивашка не все слова понимал и тормозил Перу:

— Куда он зовет их? Ну, пересказывай!

— На небо. наших богов ругает, а своего хвалит. Милостливый, говорит, ваш бог. Всех любит.

— Знаю... Гляди, еще люди, в кольчугах!

К ним подошел воин и спросил по-ултырски — кто такие и откуда?

Пера сказал ему, что люди они вольные, охотники, едут князю служить.

Поп замахал крестом и погнал ултырян к реке. За попом шли воины.

— Кому они служат? — спросил Ивашка.

— Князя Михаила слуги, — ответил Пера. — Князь Михаил чужим богам кланяется!

— Небось поклонись! Христос-то не болван деревянный. Поразит огненной стрелой, и все тут!

— Ехать нам пора, сын Руса.

— К Михаилу поедем?

— К нему. — Пера вздохнул. — Больше некуда...

Они выехали на широкую разбитую тропу. Кони пошли метом. Грязь летела из-под копыт.

Ивашка расспрашивал — какая у князя дружина? Молодой князь Михаил или старик? Но Пера молчал, видно, не любо ему показалось, что князь его от ултырской веры отошел, болванам не молится.

Стемнело. Они остановились в логу, отпустили стреноженных коней пастись и легли спать у костра.

Ночью кто-то придавил Ивашку.

— Не дури! — закричал он. — Сосед я тебе, другодеревенец!

Он думал, Пера его вяжет, но, приглядевшись, понял — чужие навалились. Пера один, а тут трое... Пера сам связанный лежал, на нем кучей мужики сидели.

Утром их развязали, вывели из лога на широкую лесную поляну.

На поляне кишела не одна сотня ратников в длинных кожаных рубахах. Ратники расступились, и к ним подошел молодой воин, не старше Ивашки. Все блестело на нем: и кольчуга, и пояс, и короткий меч в серебряных ножнах. На голове у молодого воина шапка из зимних соболей, на ногах поршни из красной кожи.

— Мы не воры, — сказал ему Ивашка. — Князю едем служить.

— Какому князю? — спросил по-русски молодой воин, прищурясь.

Пока Ивашка думал, как лучше сказать, Пера ответил:

— Нашему, Михаилу.

Молодой воин что-то сказал по-ултырски ратникам и ушел. Им отдали луки и мечи, подвели заседланных коней.

Пера шепнул Ивашке:

— Матвей с тобой говорил, сын князя Михаила.

Воины молодого князя сели на лошадей и стали выезжать на тропу.

Ивашка хлестнул жеребца, но Пера остановил его:

— Нам впереди ехать не велено!

Весь день они ехали за дружиной, а вечером князь позвал их к своему костру. Он накормил их, напоил суром и опять начал расспрашивать — кто такие и куда едут?

Ивашка сердился, кричал на него:

— Крест надел, а христианину не веришь!

Князь посмеивался.

Пера снял с пояса меч, положил его к ногам князя и стал рассказывать, как жил в ултыре Сюзя, как охотился, ловил рыбу в Шабирь-озере вместе с оштяками Юргана.

— Но большой отец прогнал меня из ултыра...

— Ты нарушил обычай отцов?

— Я хотел взять в жены Вету. Она внучка старого Сюзя. Она из нашего ултогра, князь. Старый Сюзь продает ее чужому охотнику... Я остался один. Тебе буду служить...

— Я верю тебе, богатырь!

Пера поднял с земли меч, поклонился князю и сказал:

— Парня зовут Ивашкой. Он сын Кондратия Руса. Хорошего человека сын.

— Меня крестил епископ Иона, — сказал молодой князь Ивашке. — Поп русов Иона, надевая кресты моим воинам, велел жить праведно, почитать бога и князя.

Ивашка выдернул крест из-под рубахи.

— Хошь, поклянусь на кресте?

Ивашка поклялся служить верно, за чужую спину в бою не хорониться, худого в душе не держать.

Князь Матвей отпустил их. Они ушли к своему костру.

Пера сразу уснул, а Ивашка ворочался с боку на бок, ругал хитрого ултырского князя и думал о родном доме... Вспомнил ни с того ни с сего, как хлеб молотили прошлой осенью, как избу конопатили, окна в хлеву завешивали берестой. За неделю до покрова волки собирались в стаи, коров и овец запирали в хлев. Тятка скармливал последний дожинный сноп скотине, ставил на повети в хлебальной чашке пиво, кланялся дедушке-дворовому и просил: «Береги, хозяин, скот зимующий от хвори лигучей, от силы нечистой». А с Параскевы-роженицы начинали сумерничать. Татьяна зажигала свеч, ставила под него корыто с водой. Огонь с лучины капал на воду и шипел. Тятка зашивал подложные лыжи, а он с братьями стрелы тесал, липовые, на белку. Липа сладкой травой пахла... Девки пряли у печки. Татьяна варовые нитки сучила и рассказывала про нечистую силу, будто боится нечистая сила солнышка ясного, дня светлого, а как солнышко угасать начнет, земля замертвеет — тогда ее царствие. Бесится тогда, воеет нечистая, душу христианскую ищет.

Засыпать уже начал Ивашка, тяжелела голова и слеpla память, а Татьянина песня в ушах звенит неумолчно:

То не два зверя сбегалися,
Не два лютые сходилися.
Гасил солнышко пресветлое
Чернокрылый зверь:
Захлестнет крылом — травы высохнут,
Захлестнет другим — реки вымерзнут,
Земля-матушка тьмой покроется...

Костер попискивал, как мышь. Искры рвались к черному небу и умирали.

Князь Юрган отодвинул палкой огонь, снял камусы и поставил больные ноги в горячую золу.

— Утром выйдем на тропу лосей, — сказал он брату.

— Ёмас, брат Юрган, ёмас...

Согревшись, князь задремал... Качались перед ним золотые рога самца шоруя. Князь хватался за лук, рвал из колчана стрелу, но старые больные руки не слушались. Лось уходил в темноту.

Просыпаясь, он глядел на желтый покачивающийся огонь и слушал брата.

Золта жаловался Нуми Торуму:

— Мы не видели снега, великий, а едим лошадей!

Тьма густела. Елки подступали к костру... Он бродил по глубокому, рыхлому снегу, искал табун, а с неба сыпался на него горячий снег и жег ему руки.

Он проснулся, открыл глаза. Костер шипел и плевался искрами. Молодые охотники кормили огонь сухими сучьями, грели застывшие спины.

— Звезда Соорб умерла, — сказал ему Золта. — Идти надо.

Он надел камусы, взял лук и повел их к лосиной тропе.

Небо белело, но князь не торопился. Осенний лес чуток, стылая земля звонкая, а тропа рядом. Хрустнет под ногой сук — уйдет зверь далеко.

У болота с двумя молодыми охотниками остался Золта, а он поднялся выше и на середине горы залег в осиннике.

Рассвело. На палых листьях поблескивал иней.

Он лежал в неглубокой яме, глядел неотрывно на старую большую березу. На ее шершавой коре лоси оставляли клочки шерсти.

От березы тропа поворачивала к болоту. «Зверь не обойдет и птица не облетит это место», — говорил ему отец.

Взошло солнце. Лес повеселел, заискрился. Заурлыкали черные косачи.

Стаи мелких птиц садились на березу и, покачавшись, улетали.

Пестрая лесная кошка перешла тропу у березы и скрылась в густом пихтовнике.

Две усатые белки уселись на сломанную осину, разглядывали его, вертели хвостами.

К полудню лес затих, будто вымер. Птицы спустились на ягодники к болоту. Звери ушли в глухие урочища.

Пологая гора, вся облитая солнцем, дремала. Дремал и старый князь... Щелкнула сухая вица, и опять все стихло. Он понял — идет осинником Золта.

Золта залез к нему в яму, лег рядом.

— Будем сидеть вечер, будем сидеть ночь, — сказал он брату.

Золта вздохнул:

— О-хо, нету лосей. Ушли... — и достал из сумы кусок мяса.

Старый князь обнял брата, но мясо не взял.

— Отдай охотникам, — сказал он. — Скажи молодым — придем в пауль без лося, принесем голод. Золта уполз.

Князь опять глядел на старую березу и думал... В месяц гусиных птенцов хворь совсем одолела его. По обычаю предков, он роздал сородичам богатства свои у большого костра и думал, что обманул смерть. Но смерть обманула его. Орлай и раба не догнал, и сам не вернулся. На медвежьей шкуре принесли его в пауль охотники. Он похоронил сына, кровь жертвенных лошадей вылил на костер, мясо роздал сородичам. Прошло семь дней — еще двух охотников убил лось в урочище Ворса морта. Люди собрались у большого костра. Шаман Лисня трижды спрашивал богов, и трижды боги говорили ему одно: не лось убил охотников, а Торум-пыл, сын великого бога. Люди верили шаману и дрожали от страха, как дети... Шли дни. Подул с востока лютловот, принес холод. Звенели ночами побелевшие звезды. Кралась зима, страшная, голодная зима. Убывали запасы рыбы, таял табун кобылиц. А люди сидели в юртах, не охотились, не ловили рыбу на Шабирь-озере. Он созвал мужчин и женщин в свою юрту, сам разжег живой огонь в каменном чувале. Хитрый шаман покачался над огнем и стал говорить людям плохое, будто они забыли обычаи и веру предков и великий Нуми губит их за это...

На березу сели два косача. Князь достал из колчана птичью стрелу, убил одного, но из ямы за убитой птицей не вылез.

Солнце садилось, темнели кусты и бусела береза. На болоте сердито ухала большая птица. Князь глядел на тропу и уговаривал Нуми Торума: «Не губи род Юрганов, великий, пожалей наших детей

и женщин. Я побил шамана, легонько побил и ушел в ту же ночь на охоту. Только брат Золта и два охотника пошли за мной, а в пауле три десятка мужчин». Гора потемнела и слилась с небом, бусая береза стала черной и пропала совсем, задавила ее темнота. Белые звезды мерцали на небе, дрожали. Скоро холод спустится на землю — князь закрыл малицей больные ноги, вздохнул. Он еще днем понимал, что ушли из урочища лоси, давно ушли, — обглоданные осины засохли, раны на липах пожелтели. Но костер разжигать он боялся. Может, смиляется великий Нуми, выгонит на него лося.

Ночь долгая, холодная. Он берег руки, грел их под меховой рубахой. Но стрелять ему не пришлось. Великий Нуми не выгнал на него зверя.

Солнце поднялось выше леса. Он вылез из ямы, подобрал стрелу, косача росомаха сожрала за ночь, и стал спускаться по тропе к болоту.

Охотники разжигали костер прямо на тропе. Золта потрошил глухаря.

Князь сел, спросил брата:

— На ягодники ходил?

— Ходил, — ответил Золта.

Охотники натаскали сучьев и сели к костру. Они ждали, что скажет им старый князь. Он молчал. Испугал кто-то лосей, и они ушли. Куда ушли? Лес большой...

Золта сунул птицу в горячую золу и засмеялся:

— Хитрая птица маншин, пурхается в песке, а пьет с листа.

Посидели у костра, согрелись, съели испеченную в горячей золе птицу.

Молодые охотники ушли в гору, за косачами, а его Золта повел на ягодники.

Вечером сошлись. Повеселевшие парни показывали ему туго набитые мешки. Он хвалил их, а сам о лосях думал. Скоро снег выпадет, за Шабирь-озером надо искать новые лосиные тропы.

Сытые охотники уснули, и брат уснул. А он просидел всю ночь у костра.

Утром князь вывел их на тропу.

По знакомой тропе молодые охотники пошли веселее. Они несли в юрты жирных осенних птиц и радовались, что великий Нуми больше не сердится на них.

У Сюзь-речки Золта сел отдыхать.

— А вы идите, — сказал он парням. — Наши ноги старые, ваши ноги молодые.

— Не тоскуй, князь! — Золта улыбнулся. — Вода течет, дни идут... Мы не убили лося, но убили страх. Охотники пойдут в лес бить белку и куницу, искать новые лосиные тропы.

Дни шли. Земля оделась в белую паницу. Охотники ушли в лес — сбивать тупыми стрелами белок, ставить ловушки на куниц и соболей.

Огонь горел в каменном чувале с утра до вечера, с вечера до утра, а большую деревянную юрту нагреть не мог. Князь плел сети, вил ременные арканы и кормил сухими сучьями ненасытный огонь. Майта уговаривала его перейти к ним, жить вместе.

— У нас тепло, аасим!

Но он боялся нарушить обычай предков, мерз в большой юрте, тосковал. За стеной, в малой юрте, жила его семья: две жены, сестра, дочь Майта и сын. Мальчишка прожил всего четыре зимы, стре-

ла выше его, а просится на охоту: «Сделай мне лук, аасим, — говорит, — я белку буду стрелять!»

По вечерам женщины пели длинные, грустные песни. Он слушал их, вытирал слезы рукавом молсы и думал о студеной зиме. Уговаривал его Золта весной сходить к Русу, выпросить семенного зерна, распахать луговину и засеять ее зерном...

С неба сыплется снег
День и ночь, день и ночь.
Брата милого жду
День и ночь, день и ночь...

Женщины пели за стеной, а он видел задавленный снегом лес, крутой белобокий лог, самца шорую в логу, безрогого и притихшего.

С неба сыплется снег
День и ночь, день и ночь.
Заметает следы
День и ночь, день и ночь.
В чамье мяса нет,
Мало рыбы в ямах —
Брат по следу идет
День и ночь, день и ночь.

В месяц большой тьмы пришли из лесу охотники. Они принесли белок и соболей. Он ждал — зайдет к нему охотник, сядет к чувалу и скажет: «Тэхом, князь! Я видел лосиные тропы...»

Утром залезал к нему в юрту запорошенный снегом пастух, грел над чувалом руки и спрашивал:
— Резать?

Он молча отрубал ножом еще один узел на ременной веревке, пастух уходил.

Шли дни, темные дни. Он сидел у чувала, тесал стрелы, считал узлы на ременной веревке и слушал песни женщин.

С неба сыплется снег
День и ночь, день и ночь...

На ременной веревке осталось семь узлов, а в табуне осталось семь кобылиц. Он послал парыча в юрты, звать старых охотников на совет рода.

Пожелав князю здоровья, старики садились на мягкие шкуры к чувалу. Из угла глядел на них Нуми Торум. Серебряные глаза бога были холодные, как глаза зимы.

Князь ждал шамана. Он дважды посылал к нему, и дважды шаман Лисня выгонял парыча из юрты, бросал вслед ему обглоданные кости и ругался, как злой мэнк — дух камня.

— Наш шаман ждет воина Асыку, — сказал Золта.

Старики зашумели:

— Нам не нужен князь-воин!

— Голод придет в наши юрты раньше Асыки!

— В наших чамьях нет мяса...

Князь встал.

— Тэхом! Слушайте, старые люди! Осталось семь кобылиц в табуне. По обычаю предков, их будет пасти зоркий и всевидящий Мир Суснэ, сын великого бога. Тэхом, люди! Кто нарушит обычай — смерть!

Князь бросил в огонь горсть сухой травы. В юрте запахло летом. А старики думали о зиме, когда холод грызет лицо, метели сбивают с ног. Завтра их сыновья и внуки уйдут в лес ловить ушканов, искать замеченные снегом звериные тропы.

Пастух занес в юрту кожаный мешок.

— Здесь, — сказал князь, — мое зерно. Возьмите, раздайте сородичам. Кто останется жив, поклонится Русу весной. Рус даст семена. Пашите луговины, сейте хлеб! И голод не придет в ваши юрты.

Вечером князь перешел в женскую половину.

Майта принесла из большой юрты теплые медвежьи шкуры, укрыла его и напоила горькой травой. Ему стало жарко. Он хотел сбросить с себя тяжелые шкуры, подняться и сделать сыну маленький вересковый лук. А Майта носила и носила из большой юрты тяжелые шкуры. Он задыхался под ними, кричал громко и, обессилев, долго падал в глубокую, темную яму.

— Пей, аасим! — слышал он голос Майты, но она была далеко, наверху, а он лежал в яме. Сверху сыпалась на него земля. Память его тускнела, он надолго засыпал.

Просыпаясь, он видел то Майту, то жен. Они глядели на него сверху и кричали. Он слушал, но голоса их умирали, не доходили до дна глубокой ямы...

Старый Сюзь спустился к нему и сел рядом.

— Теан, ешь, рума! — Сюзь держал за ноги двух жирных ушканов.

— Сына! Сына корми! — кричал он хозяину большого ултыра. — До весны корми!

Он стал чаще просыпаться с ясной памятью, глядел на притихшую семью у чувала и думал: «Смерть играет со мной, как лиса с ушканом. Не одолеет до весны — выживу». Майта поила его горькой травой и рассказывала: был в юрте старый Сюзь, а Золта ходил в гнездо Руса.

— Поешь, аасим! — упрашивала она. — Поешь! — и совала ему в рот мелко нарезанное мясо.

Смерть ушла в страну мрака. Но хворь оставалась в теле. Он не мог долго сидеть, плохо слышал слова. Но все видел. Он видел худую Майту, больных жен, умирающую от голода сестру. Он прятал кусочки мяса под шкуры и тихонько кормил маленького сына.

Огонь горел в чувале, а в юрте было холодно. Жены бегали туда-сюда. Он хотел поругать их, но не успел. Пришел брат Золта.

— Рус приехал! Рус! — кричал Золта ему. — Мясо привез. Лосей.

— Зови.

Рус пришел с сыном. Оба большие, а женская юрта маленькая.

Рус сел на шкуры, в угол к нему, и заругался.

Обидели друга, думал князь, и тряс Золту за рукав молсы.

— Рус не велить тебе умирать! — кричал ему в ухо Золта. — Лоси на Юг-речке. Наши охотники уходят с Русом.

Князь понял — зима кончилась, Рус спас род Юрганов от голодной смерти.

— Веди Руса в большую юрту, — сказал он брагу. — Отдай ему ковры, оружие и серебро.

Золта звал Руса в большую юрту. Рус тряс головой, отказывался.

— Маныр вар? — кричал князь. — Чего хочет Рус?

— Майту, — сказал Золта. — Она не будет рабыней в гнезде Руса! Будет женой старшего сына.

Золта помог ему сесть. Он поглядел на дочь, сидевшую у чувала и сказал Русу:

— Бери Майту, рума!

Рус погладил его по спине и встал. Сын Руса снял с себя большую шубу, завернул Майту в шубу, как малого ребенка, и унес из юрты.

— Прощай, доченька, осима сосуль, — шептал старый князь...

ГНЕЗДО КОНДРАТИЯ РУСА

Татьяна сама поднялась ранехонько и девок разбудила. Забегали они по избе, зашлепали босыми ногами по глиняному полу. Какой уж тут сон! Пришлось вставать и Кондратию. Встал он потихоньку, чтобы Гридю не разбудить. Намерзся, намаялся парень... Ушли они из дому с утра, дождались у засеки охотников из пауля и стали спускаться по речке к ольховникам.

Снега за зиму выпало много, без лыж убрдно, шагу не ступишь. Но кое-как к вечеру добрались, составили нарты к сосне. Кондратий показал Золте лосиную тропу. Она пересекала речку и бежала по мелкому ольховнику к лесу. Золта оставил своих охотников у речки, а их повел в лес. Не снимая лыж, они встали за широкие елки шагах в десяти от лосиной тропы.

Начало темнеть, заиграли на небе белые холодные звезды. Гридя хотел разжигать нодью, но Золта отговорил. Лоси, он сказал, недалеко где-нибудь.

Так и просидели всю ночь в снегу, под елками. И не зря: едва рассвело — затрещали елушки, прошли перед ними широким мётом лоси. Пропустив стадо, Золта выскочил на тропу и закричал: «Тэхом!» Кондратий выбежал за ним и увидел, что бегут от речки, навстречу лосиному стаду, оштяцкие охотники на лыжах. Лоси остановились и сгрудились в кучу. Золта на ходу выстрелил из лука, молодой лось прыгнул в снег и увяз. Кондратий добил его. Из темной кучи вырвался самец и, утопая по брюхо в рыхлом снегу, стал пробиваться к лесу. За ним бросились и остальные. Но вожак скоро выбился из сил, упал на колени. Его сменил другой лось. Охотники легко бежали по насту, били лосей из луков, кололи рогатинами...

— А Гридю чего не будишь? — закричала Татьяна на невестку. — Буди!

Вета стащила с мужа тулуп:

— Вставай, айка, вставай!

— Уйди, говорю! — ругался Гридя. — Затрещину дам!

— Вставай, не ерепенься, — сказал ему Кондратий. — Днем выпспишься.

Татьяна вывела всех из избы, сама поклонилась раннему солнышку и девок заставила кланяться. «Видело ль, солнышко, красну весну, встретило ль, ясное, ты свою сестру!» — причитала Татьяна.

Гридя тер рукавицей распухший нос и орал:

Солнышко-ведрышко, выходи,
Сестру-весну за руку выводи!

Солнце поднялось над лесом веселое, яркое. Поклонилась ему Татьяна в последний раз и ушла с девками в избу.

— А мы не так поем, — сказал Туанко. — Мы у бога Огня здоровья просим. Охота мне по-нашему спеть, большой отец!

— Пой, только я шапку надену. Холодно!

— Нельзя шапку надевать, большой отец.

Кондратий засмеялся.

— Беда мне с вами! Вон и Майта вышла. У нее, небось, тоже песня своя. Придется мне до вечера без шапки стоять, песни ваши слушать.

— Моя маленькая, большой отец.

Туанко запел по-своему, по-ултырски. Он просил теплое солнышко белую березу оживить. Люди напьются соку березового, заравы по-ихнему, и перестанут хворать, забудут зиму холодную.

— Вот какая наша песня, большой отец!

— Беги-ко в избу, песельник, согрейся. А я к Прохору зайду.

Майта увидела, что аасим к ним идет, убежала в баню.

Прохор сидел на лавке, у маленького волокового окна, шил кожаные олочи для молодой жены. Кондратий взял у него оштяцкие коты, повертел в руках.

— Малы будут.

— Не малы, тятя. Мерял я.

Кондратий отдал коты, вздохнул.

— Неладно у нас получается, Прохор. Я так и сяк думал: нельзя тебе в бане жить!

— Ничего, живем...

— У матери язык длинный. А сердце доброе. Дня ведь не пройдет, чтобы о вас не вспомнила. Переходите в избу да живите по-людски.

— По-нашему Майта плохо еще понимает. Да и боюсь я, обижать ее будут.

— Вроде в нашей семье такого нет. Вета живет и Туанко. Никто их не обижает!

— Да ты не казись, тятя! Все наладится.

Майта сидела на мягких овчинах, у каменки, слушала их.

— Тоскуешь, поди? — спросил ее Кондратий.

Она улыбнулась.

— Не знаю, поймешь ли? Твой отец князь Юрган, друг мой. А ты дочь мне, как Устя наша.

Майта подошла к нему.

— Ты ёмас, аасим! Ёмас!

— Хвалит тебя Майта, — сказал Прохор. — Хороший, говорит.

Кондратий обнял тоненькую юрганку. Она засмеялась, сказала что-то по своему и убежала к каменке.

Прохор тоже засмеялся.

— Она говорит, тятя... Борода у тебя, как лес.

Кондратий погладил бороду и стал рассказывать, как лосей подкараулили в ольховнике и свалили все стадо, согнав с тропы в глубокий снег.

— Я себе годовалого взял. И с ним намаялись шибко. Снег глубокий, убродно. Еле дотащили с Гридей.

— Тэхом, Майта! Аасим говорит, ваши охотники стадо шоруев свалили.

Майта бросила на горячие угли кусок мяса. В бане запахло горелым.

— Радуетя, — сказал Прохор.

— Всякому свои дóроги! Голод у них. — Кондратий встал. — Пусть будет по-твоему, Прохор. Живите пока одни, до лета.

Майта качалась над каменкой, молилась, бога оштяцкого вспомнила, Нуми Торума.

Кондратий вышел из бани, постоял, поглядел на весеннее солнышко и зашагал к овину. Летось привез Гридя соху с кулиги без приюха, да так и бросил. Ругал его Кондратий, да что толку — приюх-то железный, из березы не вытешешь... Пока до овина шел, вспомнил, что семенное зерно перетряхивать надо, горит зерно. В прошлые годы выносили рожь из овина зорить на сретенье, а нынче запоздали. Раскрыл Кондратий настежь широкие овинные ворота, разбросил солому, раздвинул жерди. Пахнуло на него из ямы хлебным теплом. Спускаться хотел, да Устя полдничать его позвала.

И дни весной длинные, и работа мелкая, во дворе, по хозяйству, а с утра до позднего вечера вся семья на ногах. Отдохнуть некогда: то одно, то другое. Семенное зерно спасли, телята обезножили, видно, святой Касьян на них косо поглядел. Телят выходили, на лядину стали собираться — подсечный лес теревить, растаскивать.

Утром спустился Кондратий к речке, поглядеть — не снесло ли переходы? И не удержался, перешел речку.

Гомон стоял в лесу — звенели птицы, звенели ручьи. От земли бусый парок поднимался, пахло прелыми листьями и банным теплом. Сел Кондратий на валежину и как утонул... Звенит, качается над ним лес, желтоголовая птичка вертится на кусту, хвостиком трясет. Проглядел ты, старый, говорит она, в хлопотах да заботах красную весну...

— Чирик! Чирик!

Открыл Кондратий глаза, сполз с валежины, встал на колени, поклонился земле:

— С пробуждением, матушка! Тебе зеленеть, а нам радоваться!

Вечером рассказал он своим, как уснул в весеннем лесу и как приснилась ему птаха-вещунья.

— А мне коровы снятся, — сказал Гридя. — Диво! Ползают коровы по синему небу, как тараканы.

— Ох, Гридя, Гридя! — вздохнула Татьяна. — Одно сон, а другое девка-вешнянка. Погубить ведь она могла отца, закружить в лесу.

— Небось, не закружит! Не на таковских напала!

— Чего мелешь! Господи... Помню, мы на вырубках жили, с монастырскими закладниками. Пошел монастырский мужик весной в лес. День такой же стоял, теплый да ласковый. Ошалел мужик от весенней вони, от птичьего звона и дорогу запомнил. Видит, девка на поляне стоит, косы зеленые чешет. Он к ней, хотел дорогу расспросить, а девка в птицу оборотилась и поет на березе, разливается...

Кондратий недослушал Татьянину сказку, уснул на лавке. Разбудил его ветер, пришлось вставать, закрывать дверь, опускать волока на окнах. Будет дуть теперь северяк неделю, не меньше, ломать старые елки в лесу, гнуть к земле зеленеющую молодь. Которая осинка или березка устоит, не сломится, той долго жить. Ултыряне северяк Войпелем зовут, богом считают.

Кондратий дождался утра и повел семью на лядину, подсечный лес ворошить.

Тропа не просохла, в низинах вода стояла выше колен. Прохор на руках Майту перетаскивал, как малого ребенка.

Гридя свою Вету тоже взял на закрошки, но посреди лывы остановился и заорал:

— Говори, будешь Войпелю-болвану молиться? Говори, а то брошу!

. Туанко ругал Гридю, Устя смеялась.

Кондратий тоже с ними топтался.

— За уши его держи! Не вывернется, — учил Вету. Любил он на баловство молодых глядеть...

На лядине провозились до вечера. Девки слежавшиеся сучья ворошили и по полю растаскивали, а он с сыновьями ворочал суковатые елки, чтобы лучше сохли.

Домой пришли затемно.

Пока северный ветер по лугам, по полянам носился да в лесу разбойничал, Прохор с Гридей семенной ячмень сушили, а Кондратий бороны лыком перевязывал. В прошлом году на кулиге рассыпалась борона, все зубья выпали.

Как только северяк уgomонился, Кондратий пошел на лядину. Сколько он на своем веку лесу попалил на подсеках! Тиуну княжескому не сосчитать. И всякий раз беспокоился, ходил по лядине, проверял — ровно ли лес лежит? Подсохли ли на корню несрубленные сосны? Да какой еще день будет! В безветренный да пасмурный лучше не начинать, огонь на краю лядины остановится. А в большой ветер опасно, огонь может с лядины на лес перекинуться — тогда беда! Лучше всего день ясный, солнечный, с ровным ветерком.

Обратно шел, все на небо поглядывал, даже шея заболела.

Пришел он домой, собрал всех в избу, перекрестился на Татьянины иконы и сказал:

— С утра завтра выходим! Помоги, господи!

Он послал Туанка в ултыр, а Прохора к князю Юргану. С Прохором ушла и Майта, навестить отца.

Кондратий спал плохо, за ночь раза три выходил из избы, глядел на темное, высокое небо, на редкие звезды. Они светили ровно, не дрожали. К доброй погоде...

Едва рассвело, он разбудил Гридю.

Они вывели из конюшни лошадей, заседлали, приторочили к седлам топоры и мешки с едой. Гридя сел верхом. Кондратий повел лошадь в поводу.

На лугах Гридя погнался за лисицей и свалился в яму. Мерин, видно, перед ямой круто свернул в сторону.

— Отхлестать бы тебя рогатиной, — сказал Кондратий сыну. — Рогатину жалко!

— Да я, тять, женатый...

В лесу еще темновато было. Белели только лывы на тропе, мелкие — серебром отливали, а поглубже которые, те серые, с просинью.

Кондратий сел в седло — обходить лывы с лошадью тяжело по густому путаному лесу.

Они оставили на елани расседланных лошадей, мешки и топоры перенесли под березу, и Гридя пошел жерди рубить на шалаш.

День начинался солнечный, ясный. От Шабирь-озера дул легонький ветерок.

На краю лядины Кондратий разжег костер и стал ждать соседей. Зеленые осинки покачивались над ним, шелестели. Он глядел на широкую, как поле, лядину, сплошь заваленную мертвым лесом, и думал. На Устюжине так же вот, в старые годы, жили люди без князей и доводчиков, жгли лес на лядинах, охотились. И вдруг земля оказалась не божьей, а княжеской...

Вынырнул Туанко из осинника, достал из-под рубахи серого длинного зайчонка.

— Смотри, большой отец!

— Отпусти, зачем он тебе. Из ултыра-то пришли?

— Я их, большой отец, на тропе оставил!

Старый Сюзь привел с собой двух сыновей. Немного погодя пришел Прохор, с ним Золта и четыре охотника. Пока соседи вырубали и ошкуривали колья, Кондратий послал сыновей разжигать на другом конце лядины второй костер.

Подожгли лядину с подветренной стороны сразу в десяти местах. Сучья быстро сгорели, огонь осел к земле, затрещали смолистые пни, зашипела кора. Черный дым поплыл над лядиной. Справа от Кондратия шел Золта, слева сын старого Сюзя. Парень, видно, бывал на огнищах, ловко колом орудовал, поднимал слежавшиеся кряжи, не давал огню пере-скакивать через них.

К вечеру огонь выровнялся и пополз по лядине сплошным сорокасаженным валом.

Люди пошли отдыхать. На лядине остались два караульщика. Ночью Кондратий их сменил. Перед рассветом ветер стих, огонь начал захлебываться сыростью. Пришлось поднимать всех.

Утром ветер направился, подул от Шабирь-озера.

Кондратий пошел спать к шалашу.

— Смотри за огнем, Прохор, — наказал он сыну. — Не прогорит земля как следует — сорная трава задавит хлеб.

— Догляжу, тятя!

Кондратий лег под березу, укрывшись зипуном, и сразу заснул... Красный огонь все растекался по лядине, будто кровью ее заливал, из огня и крови

поднималась остренькая зеленая озимь, озимь росла на глазах, кустилась.

Разбудила его Майта. Она трясла его за бороду и кричала:

— Аасим! Аасим Ивашка турне ай, аасим!

— Оторвешь бороду, девка, — сказал Кондратий, вставая. — Откуда Ивашка взялся! Чего кричишь?

Он послал Туанка за Прохором.

— Скажи, Майта, мол, прибежала...

Увидав Прохора, Майта забалобонила по-своему, заревела.

— Не пойму я ее, Прохор.

— Она говорит, Ивашка в пауле... Юрты грабит! Кондратий взял седло.

— Гляди за огнем! — сказал он сыну.

Он гнал коня, не жалея. Мерин храпел, косился на вицу. За оштяцкой тропой лес раздвинулся, тропа стала шире, ровнее, Мерин пошел шагом, не гнул на сторону башку, не шарахался от кустов и ям, но перед речкой встал. Кондратий не мог загнать его в глубокую воду, пришлось искать брод.

Выехав на гору, Кондратий увидел — горит большая юрта князя. Он остановил мерина, спрыгнул, отвязал от седла рогатину.

Люди князя Юргана метались в дыму, вытаскивали из горевшей юрты меха, серебряную посуду, дорогие болгарские мечи, луки и сваливали все в кучу. А даньщики, хохоча, набивали спасенным добром широкие кожаные мешки.

Кондратий увидел сына... Ивашка хлестал плетью жену князя Юргана.

— Майта где? — кричал Ивашка. — Катольсен, говори!

Оттолкнув данщика, Кондратий поднял окованную железом рогатину...

Ивашка успел оглянуться, успел крикнуть:

— Тятя! — и свалился, как сноп, к его ногам.

Бросив рогатину, забыв о коне, Кондратий ушел из пауля. В лесу пахло гарью. Мелькали перед ним березы и елки, а он видел лицо сына, белое, на зеленой траве... Попалась ему старая оштяцкая тропа. Он пошел по ней. Спускался в сырые лога, густо заросшие хвощом, переходил речки, брел по жухлой траве на сланях, а лес казался ему везде одинаковый — угрюмый, спокойный, пропахший смолистым потом. Он устал. Остановился отдохнуть перед кедром, снял шапку, глядел на кедр, глядел пристально, будто спросить хотел великана — где, в чем твоя могучая сила? Постоял, вытер шапкой лицо и пошел дальше. Сердце еще болело, но он уже пришел в себя, понимал, что оштяцкая тропа приведет его к Юг-речке. А там и до дому недалеко. Березы потихоньку шумели над ним. Густой и крепкий елушник рос под березами, а на открытых сланях елушник хирел, покрывался розовой слизью и лишаями.

Выбившись из сил, Кондратий сел на сваленную бурей сосну. Рядом стояла кривая черемуха. Она умирала, задавили ее большие темно-сизые елки. В бусых трещинах жили муравьи, выше их лепились красные прожорливые жучки... Вспомнил Кондратий, как нес захворавшего в дороге Ивашку. К вечеру слабели руки, он клал его на землю, ложился рядом и ждал, пока подойдет семья. Ночью хлопотала над Ивашкой мать, а утром он опять брал на руки сына и шел... На новом месте, помнил

Кондратий, пришлось ему работать за троих, летом часа два спал. Старшие сыновья с ним были, а с младшими Татьяна возилась, молиться их учила, ругала соседей нехристями и чучканами. Все боялась, что забудут ребята веру русскую и язык христианский. Кондратий посмеивался, глядя на них, говорил, что Христос здесь сохатому не хозяин, Мойперу здесь надо молиться, лесному оштяцкому богу... На первых порах Ивашка птицу без надобности бил, а потом, балуясь, даньщика великопермского подстрелил. Слепла душа у парня...

Дятел-пестряк застучал по сухой сосне. «От князя можно уйти, а от домашней беды не уйдешь», — подумал Кондратий, поднимаясь. Он пошел по той же тропе обратно. Шел тяжело, в землю глядел. В низинах земля еще снегом пахла, а на взгорьях росли красные и синие цветы.

Он прошел версты полторы и сел — дальше идти сил не было, а идти надо.

Навстречу ему по тропе шел оштяцкий охотник. Приглядевшись, Кондратий узнал — Золта, брат князя Юргана.

Золта поздоровался с ним по-оштяцки и сел рядом.

— Даньщики-то ушли? — спросил его Кондратий.

— Ушли, Рус. Ушли.

Золта погладил его по плечу и заговорил по-своему. Кондратий понял — Ивашку даньщики забрали с собой.

— А я в пауль шел. Сам хотел похоронить...

— Зачем хоронить, рума Рус. Ивашка живой, ругается.

— Вот как! Ну, слава богу. Я чуть ума не ли-

шился. Легко ли, сам понимаешь, сына родного. Своими руками...

Золта вздыхал, качал головой.

— Понимаю, рума.

— А ты-то куда? Силки, поди, шел ставить?

— К тебе, Рус, иду. К тебе! — Золта, охая, встал.

— Выходит, искал меня... — Кондратий хотел сказать, что родной он ему, по душе родной. А как скажешь? Жизнь одна, а слова разные...

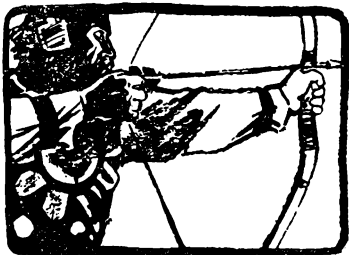
— Ось, ёмас улум, — сказал ему Золта и пошел в пауль.

ЗЕЛЕНАЯ РОЖЬ

К ночи похолодало. Кожаный куяк с железным нагрудником грел плохо. Кондратий прижился спиной к елке, дул на руки. Князь Юрган, видно, тоже мерз, ворочался в елушниках, кашлял. Не обидел бог старого князя умом, думал

Кондратий. Пока даньщики набивали мешки серебром да мехами, он собрал своих людей. Даньщики за мечи схватились, да поздно — охотники стреляют без промаха. Князь велел им развязывать мешки, складывать в кучу награбленное добро, сам отсчитал четыре десятка соболей. «Берите, — сказал, — дань с лука и уезжайте».

Уехали даньщики Великопермского князя Матвея. Неделя не прошла — нагрянул Асыка, опять

пришлось старому князю опоясываться мечом...

Стемнело. Редкие звезды сиротливо поблескивали на синем небе. Черный лес притих, будто затаился. Холодная предрассветная тишина легла на землю.

Два охотника поползли к засеке, видно, князь Юрган послал их караулить Асыку у Нюрмы-речки.

— Тять, а тять! — шептал Гридя. — Юрганы к Асыке не перекинутся?

— Я верю князю Юргану.

— Мало нас, тять! Не подойдут ултыряне, пропадем...

Над засекой начало белеть небо. Закачались черные елки. Ветер дул в спину Кондратию, с кулиги дул. Добрые на ней озимые! Да придется ли убирать осенью рожь?

Кони зафыркали за засекой. Кондратий поднял лук и стал ждать.

Гридя привстал — две стрелы воткнулись в елку над его головой. Воины Асыки, видно, спешились, обошли засеку и залегли в елушках.

— Лежи!

— Да я, тять, не заяц! Ночь пролежал...

Князь Юрган подал своим знак, и три десятка чернохвостых стрел прошили насквозь елушки. Елушник ожил, выскочили на тропу воины Асыки, завыли, как дикие, и побежали к ним. Кондратий бросил лук, выдернул меч.

Отбиваться сразу пришлось от троих. Одного он зарубил, хотел отскочить, запнулся, и сразу потемнело все, будто закрыл кто-то ему рукой глаза.

Падая, он увидел Прохора.

— Опоздал, сынок!

Прохор посадил его спиной к елке, перетянул

сыромятным ремнем руку выше локтя и закричал в ухо, как глухому:

— Ултыряне пришли! Ултыряне! Угоним Асыку!

Кондратий и сам видел — белеют среди елушек пестрядные рубахи другодеревенцев.

— Обессилел я, Проша! Подсоби... — он хотел встать, поглядеть, как побежат воины Асыки... Но вместо Прохора наклонилась над ним елушка. Он понял, что не встать уж ему, оттолкнул здоровой рукой елушку и закрыл глаза... Качалась перед ним зеленая рожь, густая и высокая, как лес. Такой он в жизни не видел. Рожь желтела на глазах и душила его хлебным теплом.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вор	5
Другодеревенцы	8
Меч Орлая	17
Колдунья	25
Цена головы	33
Младший брат старого Сюзя	41
Волчье решето	46
Матвей, князь Великопермский	57
Голод	70
Гнездо Кондратия Руса	79
Зеленая рожь	91

Р 2 Ромашов А.
Р 698   ЗЕМЛЯ ДЛЯ ВСЕХ.
Пермь, Кн. изд., 1963.
92 стр. (Библиотека путе-
шествий и приключений. Вып. 18).

Андрей Павлович Ромашов

ЗЕМЛЯ ДЛЯ ВСЕХ

Редактор *А. М. Граевский*. Художественный редактор *М. В. Тарасова*.
Технический редактор *Г. М. Езов*. Корректор *Л. К. Крамаренко*.

Подписано к печати 5/IX 1963 г.   Формат 70×108¹/₃₂ 1,5 б. л. 3,0 п. л.
(ус. пр. 4,1 л.) Уч.-изд. 3,6 л. ЛБ02669 Тираж 50 000 экз. Цена 11 коп.
Зак. 1167

2-я книжная типография облполиграфиздата. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Выпуск 1. А. Домнин. Дикарь. Цена 6 коп.

Выпуск. 2. М. Заплатин. На гору каменных идолов.
Цена 12 коп.

Выпуск 3. Н. Чернышев. Западня. Цена 8 коп.

Выпуск 4. А. Ромашов. Лесные всадники. Цена 11 коп.

Выпуск 5. Ю. Вылежнев. На лосях. Цена 13 коп.

Выпуск 6. А. Белоусов. Камень нерушимый. Цена 9 коп.

Выпуск 7. А. Соколов. Пламя над тайгой. Цена 6 коп.

Выпуск 8. А. Крашенинников. В лабиринтах страны
Карст. Цена 6 коп.

Выпуск 9. Н. Чернышев. Находка беглого рудокопа.
Цена 9 коп.

Выпуск 10. А. Граевский. На север! Цена 8 коп.

Выпуск 11. А. Ромашов. Золотой исток. Цена 10 коп.

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ В 1963 ГОДУ:

Выпуск 12. В. Волосков. На перепутье.

Выпуск 13. В. Занадворов. Медная гора.

Выпуск 14. М. Заплатин. Вдоль Каменного пояса.

Выпуск 15. Ю. Курочкин. Легенда о Золотой Бабе.

Выпуск 17. О. Селянкин. «Ваня Коммунист».